

Рейнджеры

Павел Малов

2024-12-30

Contents

Рейнджеры	1
Глава 1.	1
Глава 2.	8
Глава 3.	15
Глава 4.	23
Глава 5.	31
Глава 6.	38
Глава 7.	48
Глава 8.	55
Глава 9.	67
Глава 10.	70
Глава 11.	74
Глава 12.	80
Глава 13.	83

Павел Малов

Рейнджеры

Приключенческая повесть

Глава 1.

Заместитель командира 1-го разведывательного взвода из 75-го рейнджерского полка, опытный вояка старший

сержант Клейтон Ша беззвучно, жестами подал знак своим людям окружить запрятавшуюся в непроходимых джунглях вьетнамскую деревню, жители которой, по агентурным данным американской армейской разведки, поддерживали связь с вьетконговскими партизанами. В настоящий момент в деревне находился крупный отряд красных повстанцев. Солдаты, держа штурмовые винтовки М-14 на изготовку, бесшумно скрылись в тропических зарослях, охватывая железным полукольцом обречённое селение.

Старший сержант Ша оставил с собой радиста, рядового Джэйкоба Гудмана из штата Миннесота, командира второго отделения сержанта Пола Райли, мормона из штата Юта, и рядового Алекса Эскобара по прозвищу Ястребиный Коготь, индейца из племени Сиу, штат Южная Дакота. Клейтон с первым и вторым отделениями должен был наступать на деревню в лоб. Командир взвода лейтенант Энджи Кристенсен ушёл с третьим отделением левее, к берегу реки Меконг. Четвёртое отделение во главе с сержантом из Пенсильвании, немцем Бруно Арнольдом наступало с права, со стороны уходящей в джунгли тропы. С северной стороны простиралась покрытая густым девственным лесом равнина, но там американских солдат не было. Там начиналось сопредельное государство – Камбоджа.

Старший сержант Ша, пригнувшись, быстро скользил в зарослях к крайним хижинам деревни. Радист Гудман и сержант Райли не отставали. Чуть дальше, бесшумно, лёгкой кошачьей походкой, как это умели его далёкие предки, хозяева Американского континента, пробирался сквозь зелень тропического леса индеец Эскобар и ещё несколько рейнджеров. Все они одеты живописно, насколько хватало у каждого фронтальной фантазии. На головах стальные шлемы обтянутые камуфлированными чехлами с сеткой для маскировки, с резиновыми поясками внизу, за которыми у одних были ружейные маслénки, у других – красочные пачки американских сигарет, у третьих – сорванные в лесу зелёные ветки. Индеец Алекс Эскобар засунул за резиновый поясок сзади шлема большое орлиное перо и написал на чехле чёрным фломастером название резервации, из которой он родом: «Вундед-Ни».

Остальная форма тоже у всех разная: кто в бронежилете, кто просто в куртке, кто в зелёной нижней майке с перекрещёнными на груди пулемётными лентами. Внешне солдаты выглядели как партизаны или разбойники-ковбои из мексиканских прерий. Война в джунглях тяжёлая, специфическая, здесь ценились боевой опыт, профессионализм, смекалка и физическая

выносливость бойцов спецподразделений, а не парадный лоск и казарменная вышколенность, как в армии мирного времени, и начальство не придавало большого значения внешнему виду своих солдат. Главное, чтобы они чётко и умело выполняли поставленные им боевые задачи, на всё остальное армейскому руководству плевать: пусть парни развлекаются как им вздумается.

Заместитель командира взвода неожиданно поднял вверх руку: все сейчас же, как по команде, остановились и присели в зарослях. Впереди явно была какая-то опасность, парни интуитивно чувствовали её и догадывались, что это, вероятно, вьетконговский пост. Старший сержант Клейтон Ша поманил пальцем индейца Эскобара, сносно говорившего по-вьетнамски, дотронулся правой рукой до левой стороны своей груди, коснулся плеча индейца, указал рукой вперёд. Ястребиный Коготь согласно кивнул головой, ловко нырнул в зелёное папоротниковое море, расстилавшееся повсюду. Он вытащил острый охотничий индейский нож с разукрашенной костяной рукояткой, доставшийся ему от деда, пробежал, полусогнувшись, несколько ярдов по папоротникам. Упал на влажную, покрытую непросохшей после тропического ливня травой землю и ловко, змеёй заскользил в зарослях. Впереди, в сооружённом из веток и лиан гнезде хорошо замаскированного в джунглях наблюдательного пункта, сидело двое вооружённых советскими автоматами Калашникова вьетнамских солдат. Они в зелёных защитных гимнастёрках без погон и знаков различия, в пробковых шлемах на головах, безусые, маленькие, неопределённого возраста, похожие на двух подростков-школьников младших классов. Вьетконговцы или «Чарли», как их называли американские солдаты, о чём-то переговаривались на своём непонятном чудном, похожем на птичий по интонации, языке, и внимательно всматривались в заросли леса перед деревней. Но ничего не замечали. Ястребиный Коготь прислушался: часовые говорили о том, что через пятнадцать минут подойдёт разводящий, младший сержант Во **Дык с бодрствующими товарищами, и их наконец сменить с поста.**

Индеец Эскобар подкрался к ним с тыла, затаился, выждал удобный момент, когда один, отложив автомат, полез за чем-то в свой вещмешок. В это время индеец леопардом прыгнул ему на спину и молниеносным ударом ножа, не дав даже пикнуть и что-либо понять, перерезал врагу горло. Отбросив тело, Ястребиный Коготь сразу переключился на второго дозорного и вонзил ему в сердце окровавленное лезвие ножа по самую рукоятку. Из рта вьетконговца струёй хлестнула кровь, и он свалился к ногам американского рейнджера, как бесформенный

мучной куль.

Алекс Эскобар вытер нож о рубаху убитого, вложил его в кожаные индейские ножны, украшенные искусным замысловатым орнаментом, сложив рупором ладони у рта, прокричал в чашу голосом тропической птицы. Джунгли перед захваченным постом враз зашевелились и оттуда вынырнула группа американских солдат во главе со старшим сержантом Ша.

- Молодец, Ястребиный Коготь, ловко разделался с красными!
- похвалил командир рейнджера. - Это по праву твоя добыча, можешь обыскать вьетконговцев, выпотрошить их вещмешки: всё, что найдёшь - твоё! Закон войны - железный закон. Так я говорю, парни? - глянул он на остальных солдат, столпившихся возле убитых.

- Я против мародёрства, старший сержант Ша, - поморщился фанатичный правоверный христианин, последователь пророка Иосифа Смита, мормон Пол Райли. - А также я не одобряю бессмысленное убийство. Врага Господь позволяет убивать только в бою, когда он идёт с оружием в руках, чтобы убить тебя или твою семью.

- Ну да, с тобой всё ясно... - скептически усмехнулся старший сержант Ша, глядя осуждающе на Пола Райли. - А ещё твой Господь предписывает всем верующим подставить левую щеку, когда ударят по правой. Но это ты будешь проделывать после войны среди своих братьев и сестёр. Здесь же не до Божьих заповедей, и если ты не убьёшь врага, то он убьёт тебя, Райли! Заруби это себе на лбу и выбрось на время всё, чему тебя учили в твоей Церкви проповедники. Если, конечно, хочешь выжить в этой мясорубке, и вернуться целым домой. На этом всё! Продолжаем движение к деревне. Стрелять только по моей команде и только на поражение, по видимым впереди целям. Смотрите, не перебейте наших парней из второго и третьего отделений, что наступают с левого и правого флангов.

Рейнджеры лёгкими, смутно различимыми в чаще леса фантомами направились к крайним бамбуковым хижинам деревни, стоявшим на высоких сваях. Возле старшего сержанта Клейтона Ша кучковались его люди: командир второго отделения Пол Райли, радист Гудман, индеец Эскобар и ещё несколько человек из первого и второго отделений. Вышедшая из хижины женщина с корзиной увидела американских солдат, вскрикнула от неожиданности. Бросив корзину, из которой на землю посыпался рис, со всех ног припустила по узкой деревенской улице к центру селения.

- Огонь, парни! - громко подал команду Клейтон Ша, вскинул

автоматическую винтовку и первый несколько раз выстрелил в спину убегающей вьетнамке. Пули попали между лопаток и в голову. Беглянка визгливо вскрикнула и, как будто споткнувшись, упала лицом вниз на заросшую мелкой травой тропинку.

Из хижин стали выскакивать вьетконговские солдаты с автоматами в руках. Деревня огласилась их возгласами, сердитыми короткими командами на туземном языке, беспорядочной автоматной трескотнёй и одиночными pistolетными выстрелами. Рейнджеры, не сбавляя темпа атаки, на ходу стали часто стрелять в неприятельских солдат, валя их одного за другим. Из окон домой в ответ ударили автоматы, и злобно залаял ручной пулемёт. Двое американских солдат упало. Один, раненый в бок, перекувыркнувшись, залёг за сваей дома. Истекая кровью, открыл оттуда яростный огонь по вьетконговцам, но быстро устал, отложил винтовку и стал зажимать рукой рану. Другой солдат так и остался лежать там, где его настигли пули, уткнувшись простоволосой – без шлема – головой в землю. К нему, пригибаясь от свистящих повсюду, как злые осы, пуль подбежал доктор спецгруппы, перевернул на спину. Расстегнув куртку, приложил ухо к груди – сердце не билось.

– Один готов, – констатировал смерть доктор.

В это время к раненому товарищу поспешили на помощь два рейнджера. Быстро схватив его за руки, потащили назад в джунгли. Один из них, обернувшись, крикнул:

– Док, скорее сюда, у нас раненый, тяжёлый... Там санитар без тебя справится!

Старший сержант Ша птицей нёсся по деревне, стреляя направо и налево. Реакция его была молниеносная, он открывал огонь тут же, реагировал на любой шорох в хижине, и потому до сих пор оставался цел. Индеец Алекс Эскобар не отставал от командира, страхуя его сзади, крутя головой во все стороны, как заводной, и веером рассыпая повсюду винтовочные частые очереди. Вьетнамцы валились вокруг них десятками, даже не успев вскинуть оружие. Эти двое, как бы дополняя друг друга, действовали слаженно, как музыкальный дуэт.

– Командир, слева! – кричал индеец, и сержант мгновенно падал в траву, а над его головой свистела очередь Эскобара, срезавшая выскочившего из укрытия вьетнамца. Забегая по сходням на первый этаж, в хижину, из окон которой стреляли, Клейтон ловко бросал во внутрь гранату и сразу же вслед за взрывом чёртом врывался в задымленное помещение и с порога полосовал очередями всех, кто там ещё оставался.

Неся огромные потери, вьетконговцы с боем отходили к камбоджийской границе. Вся деревня была усеяна трупами вражеских солдат и попавших под горячую руку мирных жителей. Пробегая мимо большого дома в центре селения, старший сержант Клейтон Ша услышал звук выстрела. Тут же, подчиняясь чувству самосохранения, ловко перекувыркнулся, прополз под домом на другую сторону. Подпрыгнув, уцепился руками за поперечную бамбуковую перекладину небольшой крытой веранды, подтянулся на руках и перелез внутрь. В окне показалась женщина в защитной зелёной форме, она целилась из пистолета прямо ему в голову. Сержант ласточкой нырнул в окно хижины, сбил с ног вьетнамку, выхватил у неё пистолет. Не удержавшись на ногах, они оба упали на пол. Женщина завизжала от злости, как кошка, и принялась царапать его ногтями, стараясь добраться до глаз, и даже пробовала кусаться. Он жестоко заломил ей руки за спину, связал вытасненным из кармана жгутом, чтобы не кусалась, ударил рукояткой пистолета по зубам. Лицо вьетнамки залилось кровью, женщина жалобно замычала и задёргалась под ним всем телом, пытаясь освободиться. Во время борьбы длинные чёрные волосы её, вначале спрятанные под беретом, растрепались, пуговицы на вороте защитной рубашки отлетели, в прорези показалась соблазнительно белевшая, маленькая обнажённая грудь. Картину довершила сбившаяся до самого пояса юбка, открывшая её стройные, в изорванных бежевых чулках ноги, которыми женщина брыкалась, норовя попасть ему в пах. И уж чего американец совсем не ожидал в джунглях: на ней были модные импортные кружевные трусы, как у смазливых танцовщиц стриптиз-баров где-нибудь в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе.

Трусы довершили дело: сержант Ша загорелся. Не обращая внимания на окровавленный рот и выбитые зубы, он с силой рванул защитную рубашку женщины, располосовал её до пупка, высвободил груди с крошечными коричневыми сосками, обнажил узкий, чуть выпуклый, гладкий живот. Поняв, что он хочет делать, дикарка пришла в неистовство и стала бешено колотить его голыми ногами и биться распатланной головой разъярённой ведьмы о бамбуковый настил пола. Клейтон, получив несколько ощутимых ударов пятками в живот, расвирепел, сжал железной хваткой её ноги и с силой резко рванул в стороны, так что у женщины внутри что-то хрустнуло. Он быстро сорвал с неё трусы и навалился всей тяжестью своего грузного тела сверху. Долго сладострастно насиловал вьетнамку, всё ещё пытавшуюся сопротивляться, беспомощно мычавшую, когда он крепко зажимал ладонью

ей рот и выкручивал пальцами соски. Соппротивление жертвы усиливало удовольствие, и сержант нарочно провоцировал её на это, причиняя физическую боль. Удовлетворив, наконец, похоть, американец связал ей ноги остатками изорванного защитного обмундирования, встал с пола, заправился. В последний раз с вожделением взглянул на красивое, обнажённое тело лежавшей в ногах туземки, вытащил из кобуры пистолет и без всякого сожаления всадил ей в голову три пули. Вьетнамка, глухо вскрикнула, дёрнулась всем телом и затихла. Старший сержант Ша спустился по наклонному бамбуковому настилу с первого этажа на землю.

В деревне уже не было слышно выстрелов. Лишь далеко на северо-западе, где тропа, выходящая из деревни, петля между деревьями, терялась в приграничном диком лесу, потрескивало одиночными. Это рейнджеры добивали последних, спасшихся вьетконговцев, пытавшихся уйти из деревни в Камбоджу. Между хижинами ходили солдаты с штурмовыми винтовками и пистолетами – добивали раненых туземцев. У многих американцев в руках были советские автоматы, а винтовки – за спиной. Как уверяли некоторые опытные ветераны вьетнамской войны – акэмы намного надёжнее американских автоматических винтовок М-14, но Клейтон им не верил. Он всегда отдавал предпочтение отечественному оружию.

Из окон многих домов раздавались отчаянные женские крики, стоны и плач – это парни, подобно ему, получали удовольствие, насилуя мирных вьетнамок. Начальство смотрело на это сквозь пальцы. Солдаты на войне и так были лишены слишком многого, так пусть наверстают хоть в этом. Но убивать мирное население строго настрого запрещалось. В идеале, конечно... Попробуй определи в горячке и неразберихе боя: где мирный житель, а где спрятавший оружие партизан или партизанка.

Навстречу устало бредущему по деревенской улице старшему сержанту Ша из-за угла хижины вышел командир взвода лейтенант Кристенсен:

– Клейтон, дружище, жив? Не ранен? Я рад за тебя... Потери во взводе?

– Я видел только двоих, лейтенант, – ответил старший сержант. – Один убит наповал, другой ранен. Оба из четвёртого отделения сержанта Арнольда.

– Хорошо, старший сержант. Собери сейчас же людей в центре деревни, на площади. Теперь перед нами новая задача: вывести в наш лагерь всё население, а деревню – сжечь. Таков приказ

командования: уничтожать все партизанские базы. Я думаю, правильно, а ты как считаешь?

– Я бы и всех «Чарли» перестрелял, – со злостью сказал старший сержант Клейтон. – Все они красные, и нечего с ними возиться, переселять... Будь моя воля, лейтенант, я бы с удовольствием переселил косоглазых в ад. Там им самое место.

– Ты суров, дружище Клейтон, – скептически хмыкнул лейтенант Кристенсен. – Но мы будем строго выполнять приказы высшего командования и не заниматься партизанщиной.

– Я тебя понял, лейтенант, и всё сделаю как требует начальство, – с готовностью ответил старший сержант Ша.

Расставшись с Кристенсеном, он быстро нашёл индейца Алекса Эскобара, велел ему разыскать командира второго отделения, сержанта Пола Райли. Сам Клейтон стал окриками собирать ближайших рейнджеров. Вскоре большая группа была послана во все концы деревни, и началось выселение мирного населения. В это же время другие американцы обшаривали покинутые крестьянами шаткие бамбуковые строения. В хижинах искали оружие, боеприпасы, пропагандистскую вражескую литературу, в том числе и на английском языке, которая попадала сюда, на Юг Вьетнама с севера, из ДРВ. Старший сержант Ша знал, что печатали всё это заклятые враги свободных американцев – китайцы и русские. И у него просто руки чесались добраться когда-нибудь и до них. Впрочем, сделать это не представляло большого труда: опытные американские вояки уверяли, что в армии северо-вьетнамцев воюют десятки тысяч китайских наёмников, и есть даже военные инструкторы из Советской России.

Когда всё мирное население деревни было выведено на безопасное расстояние, а все хижины тщательно обысканы, командир взвода рейнджеров лейтенант Энджи Кристенсен отдал приказ поджечь хижины.

Глава 2.

После выполнения ответственного задания взвод лейтенанта Энджи Кристенсена перебросили на главную базу в Сайгон на отдых и пополнение. Старший сержант Клейтон Ша был доволен, он любил отдыхать после боёв – в Сайгоне, в уютных портовых кабачках, в самом злочном, криминальном месте

города, – на улице Пам-Нгу-Лао, или в знаменитом китайском квартале Чолон, где есть так называемая улица «красных фонарей». Там можно за небольшую плату взять на ночь любую, самую экзотическую проститутку.

На вечерней поверке, где на плацу, строгим правильным четырёхугольником выстроился весь наличный гарнизон базы, после переключки, командующий американским контингентом в Южном Вьетнаме генерал Уильям Уэстморленд зачитал приказы, сделал все необходимые объявления, вкратце обрисовал обстановку на северном фронте, против народной армии ДРВ, и здесь, на юге, против повстанцев-вьетконговцев. Затем военный оркестр как обычно торжественно исполнил «Звёздное знамя»:

Смотри, видишь ль ты в солнца первых лучах,
С чем в заката часы мы простились глазами?
О, скажи, он ведь жив, полосатый наш флаг,
Цвета неба и солнца наше звёздное знамя?

После того как прозвучали последние аккорды государственного гимна, подразделения разошлись по своим казармам, где ротные командиры принялись поощрять подчинённых, которые, конечно, этого заслуживали, увольнениями в город.

В рейнджерской роте L, где служили наши герои, свободные от нарядов военнослужащие тоже получали увольнительные. Отлучаться по уставу положено было до двадцати четырёх ноль-ноль, но старший сержант Клейтон Ша этим правилом постоянно пренебрегал и мог заявиться в казарму даже под утро, сильно навеселе. У него были приятельские отношения с ротным, его земляком из Нью-Йорка.

Кто не получил увольнительную, стали заниматься своими делами. Командир второго отделения, мормон сержант Райли решил сходить в гарнизонный кинотеатр: там сегодня вечером крутили не очень старую кинушку с участием знаменитой голливудской дивы Грир Гарсон «Восход солнца в Кампобелло». Как рассказывали знатоки, ярые поклонники Грир, 56-ти летняя британка блестяще сыграла Элеонору Рузвельт, супругу 32-го президента. К слову сказать, – Грир Гарсон была лично знакома с миссис Рузвельт и какое-то время актриса и жена президента даже были подругами.

Старший сержант Ша с тремя приятелями, тоже получившими увольнительные в город: с индейцем Алексом Эскобаром, радистом Джэйкобом Гудманом и сержантом Бруно Арнольдом из Пенсильвании, – завалили в одно из питейных заведений в китайском квартале, которое называлось «Лонгвей». Сели за

столик недалеко от стойки. Грациозно подплыла смазливая миниатюрная официантка из местных чолонских китаянок. Любезно, по-французски, осведомилась, что желают мсье?

- К дьяволу мосье, мы американцы, - грубо прервал её по-английски старший сержант Клейтон Ша. - Для начала четыре двойных виски с содовой и какой-нибудь травы пожевать, а потом видно будет. И научись разговаривать на нормальном человеческом языке, а не обезьянничай, грязная китайская макака, не повторяй эту ублюдочную болтовню наших союзников, парижских гомиков и лягушатников. Поняла?

- О, йэс, сэр, как вас будет угодно, - кивнув головой, поспешно заговорила на ломаном английском официантка. - Я не знал, что вы americans¹, никогда не видел такой как у вас форма. Здесь в Сайгон столько иностранный soldiers²... Думала, что вы french³.

- А разве лягушатники тоже воюют с «Чарли»? - спросил немец Бруно Арнольд у сослуживцев, когда официантка ушла выполнять заказ.

- Воевали. До нас, - ответил старший сержант Ша. - Это ведь их старая колония... Может, какие-то части ещё остались. Или добровольцы-наёмники из местных колонистов.

В заведении царил приятный интимный полумрак. Несмотря на работавшие под потолком вентиляторы, похожие на пропеллеры вертолётА АН-1G «Хью Кобра», было душно и сильно накурено. Перевернутые наоборот «Кобры» не справлялись с клубами густого табачного дыма. Играла медленная азиатская музыка и в центре зала извивались в змеином возбуждающем танце две полуобнажённые красивые стройные азиатки.

Китаянка на вместительном пластиковом подносе принесла заказанные солдатами четыре порции виски по четыре унции в каждой, небольшие тарелочки с экзотическими азиатскими салатами, бутылочку кетчупа и другие китайские пряности. Аккуратно и быстро выставила всё на столик, на который старший сержант уже поставил по привычке вытянутые ноги в грубых армейских кожаных полуботинках.

Рейнджеры жадно вылакали свой виски, и им страшно захотелось потискать за гладкое, холёное, смуглое тело этих двух танцующих баб в центре зала.

Заместитель командира взвода Клейтон Ша поманил пальцем обслуживавшую их официантку и, бросив ей на поднос мятые доллары, потребовал одну из танцующих азиаток.

- Mister officer⁴ желает приватный танец? - уточнила плохо

разбиравшаяся в знаках различия армии США услужливая китайка. – Сейчас я скажу старший менеджер заведения, он распорядится. Только прошу помнить правило: вы не должны притрагиваться к сяоцзе⁵ рукам и пытаться её насилловать. Мы в цивилизованной, демократической стране, где строго соблюдать все права человека. И в случае нарушения правил с вашей стороны, мы вынуждены будем вызвать police.⁶

– Тысяча чертей и один дьявол! Стоило забираться в дикие дебри Юго-Восточной Азии, чтобы и здесь слушать осточертевшие проповеди о соблюдении прав человека и прочей мути, – с раздражением выругался старший сержант Клейтон.

Вскоре к их столику профессиональной развращенной крутящейся походкой приблизилась одна из танцевавших в зале полубогажённых сяоцзе. На ней были только малюсенькие, врезавшиеся сзади в ягодички, белые кружевные трусики-стринги, модные теперь в Новом и Старом свете. Поверх стрингов у девушки был голубенький поясочек, поддерживавший чёрные нейлоновые чулки, плотно облегавшие стройные прямые ножки. На ногах – красные туфельки на высокой шпильке. Больше из одежды – ничего. Ничем не прикрытые смуглые большие груди азиатки с огромными коричневыми пятнами сосков, слегка покачивались в такт движению.

– Сиеньшэн⁷ хотеть приватный танец? – спросила азиатка, остановившись перед старшим сержантом. Говорила она на дикой смеси английского, китайского и вьетнамского языков.

– Не мешало бы, мадам, – грубо пробурчал Клейтон, жадным, похотливым взглядом ощупывая почти голую стриптизёршу. – Тем более, я уже уплатил деньги вон той вашей косоглазых своднице.

– Тогда, пожалуй, начать, сэр, – всё так же ужасно коверкая английские слова, объявила туземка и ловко устроилась на коленях старшего сержанта Ша, принялась под музыку медленно крутить задом, возбуждая американского вояку.

– Ты китайка? – заметно волнуясь, спросил старший сержант. Повернулся к индейцу Эскобару: – Переведи, Коготь.

Алекс Эскобар перевёл вопрос командира на вьетнамский, который знал довольно прилично. Индейцу вообще легко давались чужие языки.

– Да, сэр. Меня зовут Фэн Чоу-киаохуи, – ответила та по-вьетнамски.

– Хорошо, что не фак, – заржал, ляпнув как всегда скабрёзность,

немец Бруно Арнольд.

- Боши, есть боши, - презрительно ухмыльнулся Клейтон Ша.

Плавные движения тела Чоу-киаохуи всё учащались и учащались, она стала прижиматься крупными жёлтыми сиськами с бесстыдно торчащими, возбуждёнными коричневыми сосками к его телу. Тереться об него, скользить справа налево и сверху вниз. Китайка извивалась на нём как маленькая юркая ящерка. Пышные чёрные волосы азиатки гривой рассыпавшиеся по спине, медленно колыхались в такт приватного танца.

Старший сержант Ша, не в силах сдерживать рвущийся из враз пересохшей глотки крик удовольствия, глухо, захлёбываясь, стонал. Руки, слегка вибрирующие в кистях, он держал опущенными вдоль тела. Соблазн схватить голую стриптизёршу за мягкую, желеобразную, умопомрачительно-сладкую задницу был настолько велик, что старший сержант скрипел зубами. Камуфлированные штаны впереди, как раз в том месте, где похотливо ёрзали крупные ягодицы девушки, безобразно топорщились. Ша опасался, что к концу танца они напроць лопнут по швам. Спутники старшего сержанта Клейтона, наблюдая спецу, ржали, как застоявшиеся тexasские мустанги. Особенно сержант Арнольд. Как почти равный по званию, он позволял себе недвусмысленные шуточки в адрес заместителя командира взвода. Но между тем было видно, что и сам рейнджер не отказался бы от подобной сладостной пытки желанием. Все ждали, что вот-вот это должно закончиться самым естественным, вполне предсказуемым образом, но старший сержант Ша держался геройски. Как бывало - в джунглях против прущих напролом полчищ оголтелых красных вьетконговцев.

Индеец Ястребиный Коготь и радист Гудман, похотливо блестя глазами, недвусмысленно перемигивались, но вслух не решались подкалывать командира. Это было для них чревато: старший сержант был крут и скор на расправу. Желания у рейнджеров хватало на добрый десяток таких танцев, оставалось только найти женщин. Но в этом заведении, кроме выпивки и стриптиза, посетителям больше ничего не предлагали.

Пока старший сержант Ша получал удовольствие, бравые парни в камуфлированных, расстёгнутых до пупа куртках снова сходили к бару, заказали всей компании, включая и китайку Фэн, ещё по сто граммов, а сами вдобавок глотнули по стаканчику у стойки. Индеец Эскобар - Ястребиный Коготь в обеих руках понёс заказанные стаканчики с виски на свой

столик, радист Джэйкоб Гудман задержался. Он стал весело заигрывать со скучавшими у стойки бара двумя вульгарно наряженными вьетнамками или китайнками – рейнджер не сильно разбирался в подобных этнических тонкостях. Для него, как впрочем и для остальных американских парней, все азиатки были на одно лицо. Объяснялся Гудман с ними с помощью нескольких десятков вьетнамских слов, которые успел вызубрить за время нахождения во Вьетнаме, красноречивых жестов и мимики лица. Девицы, не понимавшие ни слова по-английски, жестаами предложили выпить на брудершафт – за счёт парня, естественно. Парень в пятнистом камуфляже охотно согласился, тут же бросил на мокрую, залитую выпивкой стойку, в жадные волосатые лапы пожилого китайца-бармена, свои кровные. Заказал девицам по пятьдесят с содовой, себе снова сотку.

Вьетнамки попросили у китайца-бармена соломинки и по стаканчику сока киви, который они купили за свои деньги. Смешав виски с соком, принялись цедить получившуюся невообразимую зелёную бурду через трубочки, то и дело кокетливо помешивая её, и что-то часто треща по-своему.

Джэйкоб знаками напомнил девчонкам об уговоре. И тогда первая – немного повыше ростом, но худее своей полноватой, круглолицей подруги, обвила, как змея, тонкой изящной рукой огромную, грубую ручищу американского рейнджера, поднесла стаканчик с коктейлем к маленькому, почти птичьему роту, ярко обозначенному бессовестно-броской алой помадой, отчего рот её малость напоминал известное интимное место, и стала эротично посасывать соломенную трубочку. Глаза она при этом прикрыла от удовольствия, как будто пила не обыкновенный, плохо очищенный местный виски с содовой, подкрашенный зелёным соком, а по крайней мере, божественный нектар. Джэйкоб Гудман глотнул из своего стаканчика залпом, даже не поморщившись и не скривившись, бравируя перед девушкой. В ожидании чего-то более сладостного и опьяняющего – замер.

Предчувствие его не обмануло. Поцелуй вьетнамки был настолько мягок и шокирующе приятен, губы азиатки настолько интимно обволокли его рот, а маленький горячий язычок, похожий на язык ящерицы, так глубоко проскользнул внутрь между его губами, что у солдата закружилась голова, и он покачнулся, как пьяный. А может, и был на самом деле пьян.

Индеец Эскобар, видя, что Гудман застрял у стойки и ни на что не реагирует, любезничая с девчонками, подошёл к нему и пристроился рядом. Вторая вьетнамка, что была немного ниже, пышнее телом, миглом переключилась на нового

ухажёра и предложила брудершафт ему. Индеец заговорил с подругами по-вьетнамски, в знак согласия выпить назвал своё имя. Но, конечно, не Ястребиный Коготь. Вьетнамки, спохватившись, представились: ту, что повыше звали Ван **Ми** Нху, её миниатюрную подругу - Данг Суан Ву.

В то время как Эскобар с Гудманом занимались девицами, а старший сержант Ша корчился в судорогах под мягким, извивающимся телом стриптизёрши, Сержант Бруно Арнольд просто изнывал от скуки. Неожиданно взгляд его наткнулся на одиноко сидящую в углу со стаканчиком кока-колы красивую, ослепительно-ярко покрашенную туземку. Она тоже посмотрела на него оценивающе, жгучими, испепеляющими очами. Немец оцепенел от её откровенного призывного взгляда. Дамочка, выражением прекрасного лица дав понять, что не против завязать знакомство, стыдливо опустила глаза.

В ту же минуту сержант Арнольд был рядом с очаровательной незнакомкой.

- Скучаете, мэм?

- Ах, не приставайте ко мне, молодой человек, - явно кокетничая, зарделась китайка. Её английский был намного чище, чем у многих китайцев, которых встречал Бруно, - возможно, изучала в колледже, или какие тут у них в Сайгоне учебные заведения. Голос же был почему-то грубоватый, не женский, но сержант не придал этому никакого значения, ослеплённый её коварной восточной красотой.

- Меня зовут Бруно. Бруно Арнольд, сержант американской армии, - навязчиво представился рейнджер и вопросительно взглянул на китайку.

- Хуан Би-жикианг, - произнесла девушка, подняв голову и внимательно взглянув на симпатичного, располагающего к себе парня. - Моё имя в переводе с китайского значит милосердная или счастливая. Учтите это, мистер Арнольд. Я не хочу лишний раз разочароваться в людях...

- Виски? Брэнди? Ром? Маотай?⁸ Кальвадос? Сакэ?⁹ - стал галантно предлагать угощение на любой вкус кавалер.

- Лучше змеиную кровь, она повышает потенцию, - озадачила рейнджера девушка.

- Но вам, мэм, зачем? - помялся смущённый пенсильванский немец и растерянно развёл руками. Хотя, может быть, у вас здесь так принято?

- Что именно?

- Повышать потенцию девушкам змеиной кровью.

- Я говорю о тебе, парень, - незаметно переходя на «ты», уточнила китаянка. - Потенцию нужно повышать тебе, а я выпью змеиную кровь с тобой за компанию.

- Ну, тогда я закажу себе ещё стаканчик жэу-жана,¹⁰ - объявил сержант Арнольд.

- Не надо, - отрицательно качнула головой китаянка и пустилась в пространные объяснения. - Вкус у крови кобры, - а вьетнамцы пьют исключительно кровь кобры, - специфический, горький. Чтобы нейтрализовать его, кровь смешивают с крепким алкоголем в своеобразный коктейль. Поэтому отдельно жэу-жан покупать не надо. Выпить кровь нужно очень быстро, буквально в течение минуты, поэтому готовят напиток, умерщвляя змею прямо на глазах клиента... Иди делать заказ. На кухне при тебе забьют кобру и приготовят два стакана напитка.

Сержант всё понял и пошёл заказывать экзотический коктейль для потенции.

¹ Американцы (англ.).

² Солдаты (англ.).

³ Французы (англ.).

⁴ Офицер (англ.).

⁵ Девушка (китайск.).

⁶ Полиция (англ.).

⁷ Господин (китайск.).

⁸ Китайская рисовая водка (китайск.).

⁹ Японская рисовая водка (японск.).

¹⁰ Вьетнамская змеиная водка (вьетнамск.).

Глава 3.

Китайка Фэн Чоу-киаохуи привела-таки старшего сержанта Клейтона в расслабленное состояние. Сеанс командиру рейнджеров дико понравился, и он захотел продолжить.

- Плачу за всю ночь, мэ, идём в твою берлогу, - потребовал он, потрясая перед носом у стриптизёрши ворохом зелёных долларов.

У туземки алчно заблестели глаза.

- Сиеньшэн ждуть Чоу-киаохуи, пока не закончит работа? Остаться совсем недолго. Один час.

- Хорошо, я обожду. Иди, развлекай публику своей задницей, - осклабясь, ответил американец, грубо подтолкнул к сцене и смачно, с оттяжкой шлёпнул пятернёй по аппетитной, сильно колыхнувшейся от удара ягодице девушки.

Та плотоядно хихикнула, стрекозой вспорхнула на сцену, закрутилась вокруг шеста, словно детская юла, выделявая соблазняющие, замысловатые движения телом. Клейтон Ша вразвалочку подошёл к стойке, где развлекались дурашливым разговором с двумя смазливими молоденькими вьетнамочками двое его подчинённых.

- Что, герои, уже подцепили себе девочек? О чём договорились?
- вклинился старший сержант в их весёлое общение.

- Ещё ни о чём не договаривались, сэ. Только выпиваем и целуемся, - охотно ответил индеец Ястребиный Коготь. - Присоединяйтесь к нашей компании, если не побрезгуете вьетконговками.

- С удовольствием. Тем более, что мне нужно как-то убить в этой дыре целый час, - признался Клейтон.

Рослая, стройная вьетнамка Ван **Ми Нху, поняв, что подошёл старший по званию, тут же сориентировалась, отлипла от радиста Гудмана и придвинулась к старшему сержанту. Высокий стакан с зелёным напитком в её руке был уже почти пуст и вьетнамка, кокетливо взглянув в глаза Клейтона, развязным голосом предложила:**

- Парень, не хочешь ли угостить девочку выпивкой? Я выпью с тобой на брудершафт.

Старший сержант вопросительно посмотрел на индейца Алекса Эскобара. Тот понял командира без слов:

- Мадам предлагает господину старшему сержанту угостить её виски с содовой и соком киви. За это она будет нежно обнимать и целовать его весь вечер.

- Ну насчёт всего вечера не думаю, а часок я с ней поразвлекаюсь,
- усмехнулся Клейтон Ша и, бросив на стойку мелочь, сделал заказ бармену: - Два виски с содовой, - один двойной, и стаканчик сока киви для дамы. И пошевеливайся, приятель, я не люблю долго ждать.

- Ну вот, сэр, вы как всегда отбили у меня **девчонку**, - **обиженным тоном пожаловался радист** Джэйкоб Гудман.
- А мы с ними уже почти договорились. Скажи, Алекс.

- Не думаю, что договорились, - ответил индеец, кивнув на подходившего к стойке какого-то незнакомого, мафиозного вида неприветливого китайца. - Сейчас у нас, видимо, появятся какие-нибудь проблемы с местным криминалом.

Он не ошибся. Неприветливый китаец оказался сутенёром двух вьетнамских проституток. Звали его Бао Зэн-чань.

- Господа, у нам, квартале Чолон, строгий правил: одна девочка вдвоём не ходил, - предупредил он на весьма скверном английском. - Если мистер хотеть девочка - мой предлагать лучший.

Эти слова относились к радисту Гудману и он тотчас согласился.

- Мистер хотеть идёт вместе? - спросил сутенёр Бао Зэн-чань, показывая пальцем на себя, а затем на дверь.

- Нет, мы вдвоём с Алексом, - отрицательно качнул головой Джэйкоб. - Один я никуда не пойду. Нам не полагается.

- Моя всё понимаю, - энергично закивал головой китаец. - Ходил с моя оба. И Данг Суан Ву тоже.

Рейнджеры по-быстрому допили свой виски, и все четверо бодро направились к выходу из кабачка.

- Счастливо, парни. Смотрите на базу не опаздывайте, - помахал им на прощание рукой старший сержант Клейтон.

Когда за ними закрылась дверь, Клейтон стал жадно целовать в губы и на глазах у всего заведения щупать вьетнамку за мягкие, интимные места худощавого тела. Это была не строгая стриптизёрша Фэн Чоу-киаохуи с её бесконтактным приватным танцем, и командир рейнджеров вовсе распустил руки.

Извивающаяся вокруг блестящего, отполированного шеста гибкой тропической змеей китаянка Чоу-киаохуи гневно посматривала на них со сцены. Когда последний лоскуток тонкой прозрачной материи на её стройном красивом теле был снят и отброшен в зал, на растерзание мужчин-посетителей, и последние бумажные доллары собраны из-под ног, стриптизёрша

выскользнула за кулисы сцены. На смену ей грациозно взошла следующая танцовщица в ещё более вызывающем, откровенно-эротическом наряде. На втором шесте тоже поменялись девушки.

Старший сержант Клейтон Ша не успел оглянуться, как уже одетая китайка Фэн Чоу-киаохуи подошла к стойке бара. Сердито глянув на вьетнамку Ван **Ми Нху, что-то** ей презрительно сказала по-своему. Та, не теряя достоинства и не сдаваясь, дерзко ответила. Чоу-киаохуи вспыхнула, лицо её мгновенно покрылось краской гнева. Со злостью схватив соперницу за руку, стриптизёрша решительно потащила её к выходу из заведения. Клейтон, посмеиваясь, вразвалочку пошёл следом. Он любил потасовки среди мужчин, но среди женщин – особенно. Не раз доводилось наблюдать поединки между женщинами-боксёрами на спортивном ринге. Но как дерутся из-за клиента азиатские проститутки видеть ещё не приходилось.

Китайка Фэн Чоу-киаохуи выволокла на улицу соперницу и сразу же, без долгих разговоров и препирательств ударила её ладонью по щеке. Оплёуха была столь сильной, что вьетнамка пушинкой полетела на асфальт, больно ударившись бедром о бордюр. Взвизгнув от острой боли, а главное – от ярости, худощавая, жилистая Ван **Ми Нху вскочила на ноги и пантерой набросилась на обидчицу. Вцепилась когтистой рукой в её волосы, резко рванув голову вниз, пальцами другой руки попыталась попасть в глаза.**

Китайка закричала от боли громче Ван Ми Нху – та вырвала у неё с головы целый клочок волос. Оттолкнув разъярённую проститутку, Чоу-киаохуи высоко подпрыгнула, не смотря на то, что была в туфлях на очень тоненькой высокой шпильке, и ударила соперницу ногами в живот. Вьетнамка просто взвыла от боли и, как бы сложившись пополам, покатила назад по асфальту.

Старший сержант Клейтон похлопал в ладоши, приветствуя победительницу. Признаться, он сделал ставку на стриптизёршу Чоу-киаохуи и болел за неё. Незаметно вокруг дерущихся девиц образовалась толпа зевак. Громкими криками они подбадривали то одну, то другую туземку. Среди болельщиков были как китайцы, так и вьетнамцы. Горланило пьяными голосами несколько американских, австралийских и новозеландских солдат.

Поединок, между тем, неизменно подходил к финалу. Дышавшая, как загнанный кули, выбившаяся из сил – с окровавленным

лицом – вьетнамка Ван **Ми Нху всё чаще падала от сокрушительных ударов танцовщицы** Фэн Чоу-киаохуи. Вставала она уже с трудом, покачиваясь из стороны в сторону, как пьяная. Получив новую трескучую зуботычину, шлёпалась на асфальт спиной, широко раскинув руки и ноги. Юбка при этом задиралась, бесстыдно оголяя тело, покрытое кровоподтёками и синяками. Это уже была не драка, а жестокое избиение беззащитной. Пьяная, жаждавшая крови и зрелищ, толпа диких азиатов и не менее диких европейских солдат, просто выла от восторга и ревела, подобно патрициям древнего мира во время кровавых и зрелищных гладиаторских боёв, скандируя одно единственное слово: «Добей!» При этом многие европейские вояки, знавшие римскую историю, подобно своим далёким предкам, опускали большие пальцы вниз.

Клейтон Ша сообразил, что дело принимает нежелательный оборот, решительно подошёл к безжалостно избивающей ногами почти бесчувственную жертву китаянке Чоу-киаохуи и оттащил её в сторону.

– Всё, мисс Фэн, хватит. Ты победила и не стоит доводить драку до крайности. Может вмешаться полиция и тебе тогда не поздоровится. Поспешим же туда, куда ты намерена была вести меня. Несчастливая вьетнамка на сегодня получила своё, и урок этот, думаю, пойдёт ей на пользу.

Китаянка сообразила, что бледнолицый сержант прав, оставила лежавшую в палисаднике, под кустом петреи вьющейся, избитую до неузнаваемости Ван **Ми Нху и пошла вместе с ним прочь от кабачка. Самой ей, кстати, тоже досталось от острых, как у кошки, когтей вьетнамки.**

– **Молодец, ты сделала эту вьетконговскую шалаву,** Чоу-киаохуи! Где ты научилась так здорово драться? – с неподдельным восторгом говорил Клейтон. – Не хочешь ли поступить добровольцем в армию США? Я бы взял тебя в свой взвод. Из тебя бы вышел отличный рейнджер.

– А этот так можно? – наивно округлив глаза, спросила всё ещё не оправившаяся от недавнего столкновения девушка. Говорила она по-прежнему невнятно и косноязычно, приплетая к своему плохому английскому слова из родного и вьетнамского языков.

– В нашем мире, если сильно захотеть – всё можно, – загадочно ответил старший сержант. – У вьетконговцев же воюют в джунглях бабы, и у северян, слышал, – тоже. Почему нам нельзя?

– Что мой будет в армия белый человек делать?

- Будешь у меня во взводе разведчицей. А что? Зарплату хорошую тебе положим: обмундирование, пропитание, крыша над головой в казарме, – всё за государственный счёт? Официально будешь числиться в роте переводчиком. Согласна? Я поговорю сегодня с командиром взвода лейтенантом Кристенсенем, а тот, если что, сходит к ротному.

- Мой будет думать. Не надо никого говорил. Мой потом сам сказать, – витиевато ответила китайская танцовщица.

Они шли по не затихающему ночному городу. Предновогодний Сайгон суетился в преддверии самого главного, поистине всенародного, любимого вьетнамцами праздника. Движение по оживлённым днём магистралям редких иностранных легковых автомобилей, такси, полицейских пикапов и американских армейских грузовиков почти прекратилось. Зато больше стало рикш, мотоциклистов и велосипедистов, «сэ ом»¹ и «сикло».² Вспыхнули многочисленные рекламы китайских магазинов, ресторанов, кафе, баров, казино, кинотеатров и различных увеселительных заведений. По улицам толпами сновали туда-сюда праздные горожане; было много крикливо и вызывающе наряженных женщин определённой профессии... Сновавшие в толпе пронырливые вьетнамские и китайские мальчишки продавали вечерние сайгонские газеты. Другие маленькие предприниматели, таская за спиной огромные старинные кувшины, торговали на разнос холодной, со льдом, водой. Кстати сказать, товар их в этот душный, жаркий вечер пользовался огромным спросом.

На перекрёстках и в парках располагались стихийные, так называемые «блошинные» рынки, где престарелые сайгонцы торговали всякой всячиной. Здесь, среди разложенного прямо на асфальте или земле товара, при желании можно было купить всё, начиная от пачки дешёвых американских сигарет, до трофейного советского автомата Калашникова с парой запасных рожков.

Китаянка привела Клейтона Ша в тёмную, кривую, захламлённую отходами и нечистотами, стекающими прямо по маленьким, прорытым сбоку канавкам, страшно смердящую улочку. Здесь так же, как и везде в китайском квартале Чолон, буквально всё кишело от оборванных, крикливых черноволосых китайских мальчишек. У стены дома, возле лежащих и стоящих бочек, маячили какие-то подозрительные личности. На лавочке смеялась девушка в объятиях парня, оба поочерёдно прикладывались к бутылке.

Старший сержант рейнджеров неуютно повёл плечами. Рука

сама собой потянулась к кобуре с пистолетом.

- Мистер офицер не бояться, мой знай все на лицо. Да! - успокоила попутчика китаянка, почувствовав его тревогу. - Чолон можно убить голова за один доллар, но нет здесь. Никто бандит не трогать клиент Фэн Чоу-киаохуи. Так закон чайна мафия.

Старший сержант из всей этой крикливой бессвязной болтовни понял только то, что местная китайская мафия хорошо знает проститутку Чоу-киаохуи и по уговору не трогает её любовников. Это американца немного приободрило, хотя осиное бандитское гнездо, куда он попал, вовсе не вселяло оптимизма. Кто знает, что на уме у этих коварных, не предсказуемых так же, как русские азиатов?

По узкой, скрипучей деревянной лестнице стриптизёрша с Клейтоном поднялась к себе на третий этаж. Кругом по проходу и коридорам, как чёрные крупные тараканы, бегали немытые голопузые, а то и совсем нагие дети обоего пола. Иногда попадались и женщины в одних трусах, шлёпавших по заднице расшалившихся малышей. При виде американского солдата они совсем не конфузились, не прикрывали ничем груди, а наоборот, старались выставить их напоказ ещё больше, как бы гордясь красотой и стройностью своего тела. Клейтон весело им подмигивал и снимал в знак приветствия форменное кепи с большим твёрдым козырьком.

В маленькой камерке Фэн Чоу-киаохуи, которую она, видимо, здесь снимала, был страшный беспорядок. Вещи навалом громоздились по углам. На кухонном столе - грязная посуда и пустые бутылки, кровать после последнего гостя - не прибрана, бельё несвежее - в сальных пятнах. Клейтон вытащил из-за пазухи бутылку китайской рисовой водки, которую прихватил в кабачке, поставил на стол, отодвинув гору немытых тарелок. Рядом положил начатую красно-белую пачку сигарет «Marlboro». Хозяйка по-быстрому, на скорую руку состряпала нехитрую закуску: рис, овощной рулет и жареную мякоть рыбы под соусом.

Старший сержант присел к столу, налил себе и ей водки.

- За более тесное знакомство, - с намёком провозгласил он, подняв стакан.

Они выпили. Рейнджер сразу закурил сигарету, китаянка немного поела. Сходив к холодильнику, на котором стоял небольшой радиоприёмник, включила. Комнату наполнил хаотичный, сумбурный шум эфира. Девушка, покрутив ручку

настройки, нашла музыку: какую-то местную, азиатскую мелодию.

- Что значит танцовщица! Не можешь обходиться без инструментального сопровождения, - лукаво подмигнул Клейтон, наливая по второй.

Фэн Чоу, частично поняв, улыбнулась в ответ; решительно закрыла узкой ладошкой свой стаканчик:

- Мой уже нет. Выпил весь норма. Будем спать.

Погасив верхний свет и включив ночники, китайка стала медленно раздеваться. Не в силах преодолеть профессиональный инстинкт, она это делала грациозно и красочно, как на сцене. В такт музыке исполнила несколько живописных танцевальных па. Американец, дымя сигаретой, с интересом наблюдал за ней. Всё больше и больше наливался непреодолимым желанием. Фэн Чоу-киаохуи ему определённо нравилась. И не просто своим обнажённым, умопомрачительно гладким и стройным телом, а вся, каждой своей чёрточкой. Ему нравились её движения, тембр голоса, мимика лица, раскачивающаяся элегантно походка. Его тянуло к ней, как к интересному человеку, задушевному другу, сестре; и то, что в китайке соединились качества их всех, плюс красивой женщины - наполняло сердце неприкрытой радостью и бурным восторгом.

Почти полночи он не мог ею насытиться, извывая в постели на скомканных, сползших на пол простынях. Это было как в первый раз, хоть на самом деле - далеко не в первый. Но ему мало было овладеть только её телом, что он свершил без особого труда, - Клейтону хотелось проникнуть сейчас в её душу. Он верил, что сможет это сделать, слившись с темпераментной китайкой, вибрировавшей под ним сумасшедшей пружиной, в единое целое.

Чоу-киаохуи ни о чём подобном не думала и просто отдавалась ему, как всякому клиенту, приученная за годы профессиональной деятельности на панели и в различных приличествующих заведениях ко всяким капризам и безумным фантазиям развратных мужчин. Она не верила в любовь американского рейнджера, хоть чувствовала её, как всякая женщина, интуитивно. Принимая это за своеобразную игру, очередной каприз похотливого европейца, умело ему подыгрывала. Знала, на какую «клавишу» нажать в этом, в принципе совсем не сложном музыкальном инструменте под названием «мужчина», чтобы удовлетворить и привязать его к себе крепче, превратив, в конце концов, в послушного, ползающего на коленях, жалкого раба страсти.

Под утро, когда истомлённый бурными ласками девушки до изнеможения старший сержант крепко уснул, китайка ещё несколько минут пыталась расшевелить его. С силой тормошила безжизненное тело, даже больно ударила по щекам, – Клейтон не просыпался. Тогда Фэн Чоу-киаохуи осторожно соскользнула с кровати, как была, обнажённая, похожая на прекрасную, только что вышедшую из воды наяду, на цыпочках приблизилась к стулу, где рейнджер оставил своё обмундирование, принялась рыться в карманах. Достав документы, подошла к ночнику, беззвучно шевеля губами, стала читать английский текст. Схватив карандаш, что-то торопливо записала на листе бумаги, сложила его вчетверо, сунула за отставшие от стены обои. Сложила одежду, как было до этого, снова прилегла к любовнику. С сознанием выполненного долга прикрыла глаза.

¹ Мотоциклы-такси (вьетнамск.).

² Велорикши (вьетнамск.).

Глава 4.

Сержант Бруно Арнольд с симпатичной, высокой китайкой Хуан Би-жикианг, напившись коктейля из змеиной крови и водки, поболтав о том о сём, решили продолжить тёплое общение в более интимном месте. Бруно уже откровенно намекал девушке, что пора,.. то и дело целуя в пахнущие кровью губы и возбуждаясь от этого ещё сильнее. Китайка, по-видимому, тоже была не прочь: она похотливо постанывала во время поцелуев, позволяла себя трогать за небольшие, пружинистые мячики груди и за мягкую, открытую под юбкой задницу, куда рейнджер просовывал влажную от томления руку. Её трусы при этом, плотно застрявшие между ягодиц, не были помехой его сладострастным поискам.

Немец Арнольд, как и многие его пенсильванские соотечественники, был из консервативной лютеранской семьи. Придерживался традиционных взглядов на отношения мужчины и женщины, и позволял себе расслабиться только далеко от родного штата, в диком туземном Сайгоне. Не удивляло его поэтому и столь вольное нижнее бельё местных женщин, которое было под стать набедренным повязкам африканских и прочих

аборигенок. Он даже не подозревал, что подобную моду азиатки скопировали у европейских женщин. У его жены таких изысканных интимностей, естественно, никогда не было, в отделы нижнего женского белья он, по известным причинам, никогда не заглядывал, а рекламу по телевизору принципиально не смотрел, сейчас же переключал на другой канал.

Красивая видная китаянка, держа кавалера под ручку, не спеша шествовала по ярко расцвеченному разнообразной, мельтешащей в глазах рекламой, кварталу Чолон. Бруно Арнольд, рассеянно пробегая глазами по вывескам, выхватывал крикливые названия на английском языке. Их было много, чуть ли не столько же, сколько на китайском. Реклама на американский манер переливалась всеми цветами радуги, взрывалась множеством искр, как артиллерийский снаряд в джунглях, взмывала высоко в небо, словно ракета после старта, строчила горизонтально густыми очередями слов в живой газете, передающей последние новости. Из десятков тысяч крошечных светящихся лампочек, как в кино, складывались полуобнажённые, примеряющие нижнее бельё женщины, дымящие сигаретами мужчины, лихие ковбои в шляпах, с кольтами, скачущие на диких мустангах по американской прерии, и множество других картин.

У сержанта зарябило в глазах от всего этого неоновое нагромождения, закружилась голова.

- В Америку не надо ехать - всё как у нас, - сказал он спутнице, плотнее прижал её к себе.

- Да, сэр. У нас очень бедная, отсталая страна. Не знаю, что бы мы делали без вашей помощи, - ответила Хуан Би-жикианг.

- Однако, у вас не все это сознают, - с укором заметил пенсильванец. - Великая Америка несёт во Вьетнам цивилизацию и демократию, а проклятые «Чарли» устраивают в джунглях засады и убивают наших храбрых парней. В последнем бою только в моём отделении вьетконговские бандиты подстрелили двоих, причём одного рейнджера - насмерть.

- Это печально, - опустила глаза с длинными, накладными ресницами китаянка Хуан Би-жикианг. - Но что поделаешь, идёт война, а на войне всегда кого-нибудь убивают. Так было всегда, мой милый, - философски изрекла она, и американец ей поверил.

Действительно, войны были всегда - это он знал из программы по истории, когда учился в юности в колледже. Последняя большая война, которую вела Америка с тевтонами и их

азиатскими союзниками, японцами, была в 1945 году. Его страна тогда победила, но какой ценой? Как говорил учитель истории мистер Барнс, армия США потеряла в ужасных, в кровопролитных сражениях в Европе и на Тихом океане около четырёхсот тысяч солдат, моряков и морских пехотинцев. Если бы не новое мощное оружие – атомная бомба, которую сбросили на Японию, война, вероятно, продолжалась бы и поныне. Почему нельзя сбросить бомбу на коммунистический Северный Вьетнам? Тогда с вьетконговцами в джунглях рейнджеры и морские пехотинцы справились бы в два счёта!

Так думал сержант Бруно Арнольд, идя по залитым рекламой, шумным, заполненным до отказа бестолково суетящимися толпами крикливых и драчливых азиатов, чолонским улицам. Би-жиканг думала о другом... Её беспокоило недалёкое будущее, до которого оставалось всего несколько десятков английских ярдов. Она вела любовника в дешёвый отель, где последнее время проживала. Родом она из сельской местности, но семья не знала об её занятиях. Несколько лет назад Хуан Би-жиканг переехала в Сайгон и поселилась у одинокой престарелой тётки – родной сестры матери. Чтобы сохранять инкогнито, периодически врала родственнице, что уезжает по заданию редакции в длительную командировку на северный фронт. По профессии китаянка и правда была журналистской, даже одно время подрабатывала в одной жёлтой столичной газете. Но работа не нравилась и она бросила. Занялась собой... Первое время не вылезала из платных клиник, переделывая грудь и бёдра. Так ей больше нравилось. Все деньги, заработанные кропотливым журналистским трудом, потратила на пластические операции и модную европейскую одежду. Зато результат превзошёл всякие ожидания: Хуан Би-жиканг сама себе нравилась до безумия. Как заядлая нарцисистка. На маленькие, аккуратно лежащие груди просто не могла налюбоваться, часто раздевалась в уединении перед зеркалом и смотрела, вертась во все стороны. Получилось просто очаровательно и главное – под одеждой почти не заметно...

Как американец отнесётся к тому, что увидит в номере отеля, Би-жиканг не знала. Хотелось верить, что парень, ослеплённый её броской, завораживающей женской красотой, поймёт всё правильно. К тому же он, видимо, изголодался в джунглях по женщинам и ему будет всё равно. Не исключала китаянка и того, что он может полюбить её. Почему бы и нет, если она сама себя любила и не могла без себя жить.

Арнольд, не стесняясь прохожих, продолжал её периодически

лапать почти за все места – единственно, она не позволяла себя трогать за главное... Парень понимал, что нельзя – временно, и не настаивал. Знал, что в том укромном месте, куда они направляются, и этот запрет отпадёт сам собой, как не нужная уже в помещении, опостылевшая одежда. Солдат рвался из неё почти так же, как рвётся на свободу скованная душа из тесного узилища тела. Не зря людям частенько снятся сны, что они летают или бегают совершенно голые по траве. Вероятно – это отдалённые отголоски первобытного состояния их далёких предков, переданное им через многие поколения генной памятью. Как иначе можно это объяснить? Но если их предки, полулюди-полузвери с каменными топорами не испытывали никакого стыда, сбрасывая при нужде шкуры животных, которыми покрывали своё тело – исключительно от холода, то даже во сне, представляя первозданно голым перед соплеменниками, человек испытывает невыносимый стыд и готов провалиться сквозь землю.

Сержант до сих пор не мог забыть медицинскую комиссию перед призывом в армию, когда ходил по кабинетам врачей совершенно голый, как и сотни таких же, как он робких стриженных новобранцев. Руки сами собой тянулись к низу живота, чтобы прикрыть то, что в приличном обществе не принято было запросто демонстрировать окружающим. В Америке ещё не грянула пресловутая сексуальная революция и во многих штатах на этот счёт царили довольно пуританские, запретительные нравы. Общественностью осуждалось любое открытое демонстрация женского или мужского обнажённого тела, закрывались или штрафовались соответствующие печатные издания, позволявшие себе публикацию непотребных снимков. Вовсю свирепствовала полиция нравов. И вот, выросший в подобной невыносимо строгой нравственной атмосфере, юный новобранец Бруно столкнулся вдруг с жёсткой армейской действительностью. Пожилой док-дерматолог, в кабинет которого он вошёл, поверг Арнольда в глубокий шок своими командами, которые нужно было выполнять беспрекословно. И самое ужасное было то, что в кабинете присутствовала молоденькая симпатичная афроамериканка в белом халате – ассистентка дока или медсестра. Полы халата при ходьбе у неё сильно распахивались, высоко обнажая затянутые в умопомрачительные белые колготки, идеально стройные, как у статуэтки на выставке, ножки. В глубоком декольте впереди видны были пышные овалы чёрных грудей, от чего дрожь пробегала по коже, и ощутимо шевелилось внизу живота...

Док что-то сказал Арнольду, но он не расслышал, и тогда

подошла чернокожая сестричка. Она смело взяла в руку то, что до этого никто ещё никогда не держал в руках, кроме самого Бруно, профессионально оттянула кожицу и заголила то, что попросил сделать дотошный док. Юноша помертвел от её прикосновений, то, что было в руках медсестры, моментально поднялось и нахально упёрлось ей в живот. Док засмеялся, заулыбалась, показывая ровные белые зубки, и симпатичная сестричка. Оставив Арнольда, отошла на два шага назад.

Бруно готов был умереть от стыда и конфуза, но ничего поделать не мог и стоял столбом на виду у медперсонала, краснел и истекал потом.

Док, посмеиваясь, протянул ему стакан с мутноватой бесцветной жидкостью:

- Возьми, парень. Смотрю, ты загорелся, как газовая горелка – охладись.

Стакан действительно был холодный. Бруно Арнольд жадно схватил его двумя руками и быстро, в несколько глотков осушил. Док с чернокожей медсестрой, недоуменно переглянувшись, взорвались диким, гомерическим смехом. Мужчина аж прослезился под конец, а девушка, схватившись за живот, чуть не упала, – благо наткнулась задом на край стола.

Парень индейским истуканом застыл в центре комнаты, не понимая причины их столь бурного веселья, пока мужчина, сквозь хохот и слёзы, наконец, не объяснил ему доступным языком, что воду нужно было применять не внутрь, а наружу...

- Это наружное средство, парень. И ты первый, кто применил его не по назначению. До тебя два десятка призывников делали всё, как положено...

Услышав такое, Арнольд мгновенное почувствовал сильную тошноту и, не в силах сдержать рвущиеся изнутри позывы, крепко зажал ладонями рот и пулей вылетел из кабинета в уборную.

Вот такая весёлая история вспомнилась сейчас рейнджеру, пока они шли с китайкой Хуан Би-жикианг к ней домой, чтобы предаться сладостному человеческому греху. Правда, Бруно тогда было вовсе не до веселья. Он до сих пор не мог без стыда вспоминать себя, бегущего среди толпившихся в коридоре голых новобранцев и проходящих врачей и медсестёр, – возбуждённого, сконфуженного, страдающего некрасивым желудочным недугом, который неприлично описывать. Но, слава богу, всё осталось позади, со всеми людьми, которые были тогда свидетелями его конфуза, Арнольд больше

никогда не встречался, и понимал теперь твёрдо, что время действительно лечит старые раны, притупляет нанесённые обиды и приглушает давнюю душевную боль. Недаром третий иудейский царь Соломон носил на пальце перстень с выгравированной надписью «И это пройдёт», на которую взирал в минуты страшных, казалось бы, непоправимых бед и горьких несчастий. Действительно, всё в мире пройдёт: и хорошее, и плохое... Останется только сущность человека – его бессмертная, божественная душа. Всё остальное – тлен и прах.

– Вот мы и пришли, милый, – произнесла тонким, немного гортанным голосом китаянка, остановившись перед парадным подъездом отеля.

Бруно равнодушно прочёл название на английском языке, которое тут же выветрилось из головы за полной ненужностью. Вслед за подругой бодро взбежал наверх по ступенькам. Китаянка Би-жикианг открыла стеклянную дверь и покачивающейся, лёгкой походкой прошла в вестибюль. Назвав номер комнаты пожилой вьетнамке консьержке, взяла ключ и с обворожительной улыбкой пригласила американца следовать за ней. Вскоре они были в номере, отличающемся не женской чистотой и аккуратностью. Все вещи лежали на своих местах, комнатные тапочки – у входа, а не на кухне или в ванной. Свежие цветы в зале на столе – в дорогой хрустальной вазе, а не в банке из-под пепси-колы, пепельница – стерильно чистая, как будто в неё никогда не стряхивали пепел, на полу ни соринки.

Привыкший к жуткому беспорядку в казарме или в палатке на походных армейских бивуаках, Бруно Арнольд внутренне подивился неестественно ухоженной, можно сказать вылизанной комнате китаянки Хуан Би-жикианг. Он сравнил её с комнатой родной сестрёнки Гретты в их родительском доме в Пенсильвании: она была до такой степени неаккуратная, что по юношеской девичьей рассеянности могла сунуть своё нижнее бельё в холодильник, а вытащенную оттуда, недоеденную пиццу поставить в бельевой шкаф. Её зубная щётка вечно валялась под ногами в ванной или в туалете, недоеденный куски хлеба Гретта зачем-то складывала на подоконник, во время многочасовой болтовни с подружками по телефону имела дурную привычку исписывать шариковой ручкой недавно поклеенные обои, а юбки и кофточки перед занятиями в колледже, чтобы лишний раз не гладить, клала на ночь под матрас. Она была ещё та девчонка – его незабвенная младшая сестрёнка Гретта. При этом – чертовски вредная, даже дралась с ним частенько, как настоящий мальчишка, не уступая ни на йоту.

– Располагайся, Бруно, я пока приму душ. Не скучай. Можешь

посмотреть журналы на столике, – сказала китаянка. Достав из платяного шкафа махровый халат, прошла в ванную.

Сержант Арнольд подошёл к журнальному столику у окна, рассеянно взял один глянцевый потрепанный номер. На обложке, спиной, повернув улыбающееся прекрасное лицо, грациозно изогнулась очаровательная, обнажённая латиноамериканка. Испанского языка он не знал и что было написано под фотографией не понял. Рейнджер перевернул страницу и оторопел: то, что было изображено, привело его в продолжительный шок, – как будто по голове кто-то оглоушил тяжёлым предметом. Такого он ещё никогда не видел. Оказывается, девушка на обложке была вовсе не девушкой, а чем-то средним... Снова была напечатано «её»... фото. Теперь уже лицом анфас. Американец растерялся, не зная, что думать: определённо, это была девушка, но только, так сказать наполовину, до пояса... Ниже всё было как у мужчины. Во всяком случае – самое главное...

– Чёрт, гомосексуалист! – прошептал в замешательстве сержант и торопливо, веером перелистал залапанный чужими жирными пальцами глянец журнальчика: весь он пестрел фотографиями подобных «двуполых» существ в самых вызывающих, не требующих особых комментариев позах. Некоторые были в обнимку со своими боями, вернее мачо, как их называют в Латинской Америке.

– Чёрт, какая гадость, – скривился от отвращения Бруно и брезгливо отбросил красочное порно-издание. – И зачем только она держит у себя в номере эту дрянь? Неужели это кому-нибудь может нравиться?

Разговаривал он сам с собой, очень тихо. Да хозяйка и не могла ничего услышать из-за шумящих струй воды в душевой. Вытащив из жёлтой пачки с изображением верблюда сигарету «Camel», которые предпочитал, Арнольд вышел на небольшой, миниатюрный балкончик с декоративным, кованым ограждением. Прикурив от зажигалки, с удовольствием затаился. Ему нравился «Camel» за крепость и добрый, качественный турецкий табак. Сигареты для настоящих мужчин – считал он. Не то, что всякие наполовину дамские «Marlboro», «Pall Mall» или «Winston» с ментолом.

За занавеской обозначилась помывшаяся китаянка Би-жикианг. Она, широко улыбаясь, смотрела на него сквозь тонкую прозрачную тюль. Небрежно наброшенный на узкие плечи халатик не скрывал маленькие несколько отвислые груди с пупырчатыми почками коричневых сосков. На крутых

гитарообразных овалах бёдер двумя сиротливыми узенькими полосками, примыкавшими к заветному треугольнику, выделялись чёрные кружевные трусы. Мокрые, цвета вороньего крыла, длинные волосы ниспадали на спину и плечи. Девушка игриво поманила солдата тонким изящным пальчиком с острым, накрашенным лаком ноготком. Бруно Арнольд послушно, как молодой несмышлёный бычок, отворил балконную дверь и буквально утонул в её жарких, обволакивающих объятиях. Попятившись назад, крепко спаянные, как будто примагнитенные друг к другу, они упали на не разобранный кровать. Стали неистово целоваться, в промежутках сбрасывая одежду.

- Милый, ты сейчас узнаешь обо мне всё. Обещай, что отнесёшься к этому с пониманием, если хоть чуть-чуть любишь меня, - с придыханием, свистящим эротическим шёпотом стонала китаянка. Она лежала под ним без халатика, в одних натянутых до пупка, безразмерных трусах, цепко держась пальчиками за резинку, словно за спасательный круг - утопающий, и парень ожесточённо, как разъярённый бык на испанской корриде, рвал с неё этот жалкий, прозрачный, растянутый до невозможности лоскуток. Ему не терпелось поскорее добраться до искомой цели, погрузиться в этот райский родничок наслаждения и удовлетворить, наконец, иссушающую одеревенелое тело жажду. На её слова он не обратил никакого внимания, приняв их за очередное лукавое девичье кокетство.

Каково же было его удивление и даже ужас, когда, разорвав и отбросив в сторону дамскую кружевную прозрачную невесомость, он нащупал между ног китаянки то же самое, что перед тем лицезрел на фото специфического глянцевого гей-порно-издания... Это была вовсе не китаянка! Вернее, не совсем китаянка...

- Ты гомосексуалист? - вскрикнул сержант Арнольд, как ужаленный змеёй, отдёргивая руку, и отпрянул в сторону от странной Хуан Би-жикианг. - Что ты сразу не сказал, говнюк, что ты не женщина, а чёрт знает кто? Я бы никогда не пошёл с тобой в эту дыру... Теперь я хорошо надеру тебе твою жёлтую задницу, чтоб знал, как обманывать правильных американских рейнджеров. Почему ты решил, что я способен трахаться с мужиками?

- Прости, милый, за мою маленькую невинную хитрость! Но я думала, вернее думал, что понравился тебе, - умоляюще глядя ему в глаза, торопливо и горячо заговорил китаец. - Ты так ласково и нежно на меня смотрел, что я просто потерял голову... Прошу прощения, сэр, можно я всё-таки буду говорить

«потеряла» голову? Я ведь почти женщина...

С этими словами Хуан Би-жикианг припал к ногам обнажённого, не знающего на что решиться, сержанта Арнольда и стал целовать лодыжки, постепенно поднимаясь выше... Бруно замер, не в силах пошевелиться, чтобы не спугнуть дьявольское наваждение: перед ним стояла на коленях настоящая женщина. И целовала его ноги... Никто ещё никогда не ползал перед ним в такой позе и не делал, что проделывала, или проделывал этот сумасшедший китайский извращенец. Арнольд понимал, что будет дальше – это было вполне предсказуемо... И у него закружилась от всего этого голова. Он совершенно утратил волю к сопротивлению и полностью отдался чувству. И его, как щепку закружило и понесло по крутым волнам наслаждения в океан испепеляющей, как магма проснувшегося горного вулкана, страсти.

Глава 5.

Когда старший сержант Клейтон Ша покинул уютное пристанище стриптизёрши Фэн Чоу-киаохуи, она быстро привела себя в порядок после безумной ночной оргии. Она ждала нового гостя, и вскоре он не преминул явиться. Это был пожилой, одетый по-городскому китаец, ничем не отличающийся от прочих клиентов Чоу-киаохуи, смахивающий на среднего достатка удачливого бизнесмена. Это был резидент китайской разведки, майор Жонг Сяо-цан. Он расположился на кухне, закурил сигарету с фильтром, и сидел, неторопливо потягивая сладковатый дым, то и дело поглядывая на часы. Чуть погодя, в целях конспирации, в дверь снова раздался условный стук.

– Открой, это товарищ Хань, – командирским, повелительным голосом сказал пришедший.

В комнату вошёл новый посетитель: небольшого роста, но плотный, с военной выправкой молодой вьетнамец. Фэн провела его на кухню, где сидел его предшественник. Мужчины крепко пожали друг другу руки.

– Знакомьтесь, – обратился резидент к пришедшему, – это наш товарищ Фэн Чоу-киаохуи, работает танцовщицей в ночном баре.

Вьетнамец с хозяйкой квартиры также обменялись рукопожатиями. Мужчина представился:

- Хань До Зыонг, командир городской повстанческой группы. Отныне будем работать с вами в тесном взаимодействии. Вы, товарищ Фэн, непосредственно подчиняетесь мне.

Китайка согласно кивнула головой. Она понимала, что это приказ вышестоящего начальства, а приказы в их боевой организации не обсуждаются. Майор Сяо-цан пригласил Чоу-киаохуи занять место за столом, открыл совещание:

- Товарищи, как вы уже знаете, наступление сил Народно-освободительной армии Южного Вьетнама приурочено к Новому году и назначено на 31 января. На нас в Сайгоне руководство Национального фронта и лично товарищ Чан Ван Ча возложил очень ответственные задачи. По условному сигналу наши подпольные группы и партизанские отряды в городе в ночь «Тет нгуен дан» должны атаковать Дворец Республики, генеральный штаб южновьетнамской армии, бронетанковый парк в пригороде, сайгонский аэродром Таншоннят, базу американских войск в городе, республиканский Центробанк, студию национальной радиостанции, почту, городской телеграф, телефонную станцию и другие важные объекты. Но самое главное, что должна осуществиться именно наша группа - это захват посольства США. В результате марионеточный проамериканский режим Нгуен Ван Тхиеу должен пасть повсеместно, а вместо него будет установлена справедливая народная власть, на что нас всех и нацеливает великий кормчий Северного Вьетнама, вождь вьетнамской революции, пламенный коммунист, марксист, ленинец и последователь Мао, товарищ Хо Ши Мин.

При последних словах майора командир группы Хань До Зыонг стрелой взвился со стула, на котором сидел, и вполголоса, с неподдельным пафосом произнёс:

- Слава великому Мао Цзэдуну и его верному ученику Хо Ши Мину!

Присутствующие тут же повторили за ним эту святую для каждого истинного коммуниста-маоиста, традиционную митинговую формулу. Китаец Жонг Сяо-цан продолжил:

- Партизанские силы Народно-освободительной армии здесь, на юге, осуществляют акции возмездия почти во всех городах, что вызовет, в конечном счете, общенародное восстание. Одновременно Северовьетнамская армия развернёт наступление на севере, в районе города Хюэ. Как видите, операция намечена грандиозная, всё тщательно подготовлено. В отрядах, которые будут штурмовать бронетанковый парк в пригороде Сайгона, имеются специально подготовленные механики, изучившие

американские танки и бронетранспортёры. Всё учтено до мелочей, и я надеюсь, товарищи, операция под кодовым названием «Тет» пройдет успешно.

Когда основная часть совещания была закончена, заговорщики задымили сигаретами, в том числе и китаянка Фэн Чоу-киаохуи, и перешли к частностям. Резидент разведки Жонг Сяо-цан принялся детально расспрашивать хозяйку об её встрече с американским военным.

- Это старший сержант 75-го рейнджерского полка, - отвечала разведчица. - Они не охраняют американское посольство, я выяснила. Занимаются уничтожением наших партизанских баз в провинции. Их постоянно перебрасывают на вертолётах с места на место, где горячо припекут их американские задницы. Сейчас его подразделение на отдыхе, парни расслабляются.

- Жаль, что он не из охраны посольства, - задумчиво протянул резидент, - это было бы нам кстати... Что-нибудь ещё?

- Американец предлагал мне завербоваться в американскую армию в качестве переводчицы. Обещал содействие и хорошую зарплату, - сообщила Чоу-киаохуи.

- А вот это уже интересно, - оживился майор Жонг Сяо-цан. - И что ты ему ответила?

- Пообещала подумать.

- Что ж, связь с ним не прерывай. Свой человек в рейнджерском полку нам, перед масштабной новогодней операцией на юге, был бы весьма кстати, - сухо сказал китаец. - Я посоветуюсь с руководящими товарищами наверху и через несколько дней сообщу тебе их решение... Ты договорилась с ним о новой встрече?

- Конечно, товарищ Сяо-цан. В мою уютную норку у американских жеребцов дорожка протоптанна, - стриптизёрша многозначительно подмигнула командиру разведчиков. Тот заметно смутился.

- Продолжай с ним встречаться, товарищ Фэн. И не только с ним, но и с другими американцами. Постарайся подцепить, якобы случайно на улице какого-нибудь служащего их посольства. Или, разыграв лесбиянку, сойдись с женой дипломатического работника. Знаю, они падки на всякую азиатскую экзотику... Для руководства очень важно наше проникновение в американское посольство... Вопросы есть? - выжидающе взглянул разведчик Жонг Сяо-цан в накрашенные, прекрасные узкие глаза китаянки Чоу-киаохуи.

- В заведении, где я подрабатываю, полно грязных вьетнамских шлюх, последнее время даже появился один гомик, - темпераментно и обиженно пожаловалась стриптизёрша. - Часто мешают выполнять задания, путаются под ногами, отбивают нужных для дела клиентов. Вчера, например, пришлось даже проучить одну шлюшку, чтоб не лезла, куда не просят. Набила ей физиономию и попинала ногами по селезёнке и почкам. Чтоб знала в следующий раз... Нельзя ли их как-нибудь убрать из ночного бара?

Поразмыслив, китайский майор сказал:

- Не стоит. Если мы их уберём - это будет подозрительно: у вьетнамской полиции и американской разведки наверняка есть среди них свои люди. Ты лучше прощупай их. Возможно, кого-нибудь можно будет завербовать. А если попадётся агент американцев, то и - перевербовать. Действуй по обстановке, товарищ Хань обеспечит тебе надёжное прикрытие. В случае необходимости кое-кого можно будет и убрать...

- В смысле - совсем? - уточнил вьетнамец Хань До.

- Вы меня правильно поняли.

- Какие ещё конкретные задачи стоят у моей боевой группы перед началом новогоднего наступления? - поинтересовался командир подпольщиков.

- Следить за американским посольством и за всеми передвижениями дипломатических работников. Изучить пути подхода к зданию, определить сектора обстрела, заранее наметить размещение наших огневых точек и, главное, снайперов на крышах домов, чердаках и в заранее арендованных квартирах верхних этажей близлежащих домов. Никаких акций до намеченного дня «Х» не осуществлять, в отношении служащих посольства и охраны - особенно. С дальнейшими подробными инструкциями будете ознакомлены чуть позже.

* * *

Жестоко избитую, почти полночи пролежавшую в кустах палисадника вьетнамку Ван **Ми** Нху подобрал наряд местной южновьетнамской полиции. Доставив в ближайшее отделение, полицейские - бравые, упитанные ребята в скопированной по американскому образцу форме, - небрежно швырнули проститутку в общую предварительную камеру для задержанных. Умыли, что называется, руки.

В небольшой, душной, тесно набитой народом камере сидели и лежали на нарах, а кому не досталось места – на полу проститутки, задержанные за работу без лицензии, воры, пьяницы, хулиганы, злостные неплательщики налогов, коммунистические подпольщики, карточные шулера, аферисты, скупщики краденного, дикие валютчики, насильники, растлители несовершеннолетних и множество другого народа – накипь любого крупного современного европейского, американского или азиатского буржуазного города.

На Ван **Ми** Нху никто не обратил внимания: мало ли в ночное время избивают на улицах вьетнамской столицы проституток? Поделом, видать. Места на нарах, куда бы можно было присесть, естественно, не было, и несчастная Ван **Ми** с кровоподтёками и синяками на лице **пристроилась на полу, прямо у входа в камеру, возле так называемой «параши».** Здесь ютились **самые робкие, отверженные и забитые, не умеющие за себя постоять и отбить у соперника место на нарах.** Причём, не только женщины, но и мужчины, которые, **впрочем, не многим от них отличались.** Потому что их в камере желавшие использовали почти так же, как и любую из женщин.

В камере было страшно накурено. Воздух был затхлый, гниlostный, невыносимо тошнотворный. В первую минуту вьетнамка чуть не задохнулась, но потом, приняв себя, постепенно стала адаптироваться. На её глазах, затащив в глубь помещения и освободив нижние нары, несколько уголовного вида, зловещих типов изнасиловали молодую, испуганную, безответную девушку намного моложе Ван Ми Нху. Растерзанную, полуголую, горько плачущую швырнули обратно в угол у открытого туалета. Через время потащили на нары симпатичного худенького парнишку в очках, студента, сидевшего за неосторожное слово против режима президента Нгуен Ван Тхиеу. Его насиловали наиболее изощённо и долго, так что он, в конце концов, сорвал голос от крика и потерял сознание.

Вьетнамку Ван Ми трогать брезговали из-за разбитого до неузнаваемости, безобразно распухшего лица. Только плевали на неё при походе в туалет, а на обратном пути вытирали об неё ноги.

Ночью у окна вспыхнула страшная драка из-за места, кто-то кричал как резаный, стучали в металлическую дверь, в кормушку металлической миской, вызывая надзирателей. Никто, естественно, не пришёл и побеждённого – здорового плечистого парня со стрижкой ёжик, избитого до полусмерти,

превращённого в кровотокающую котлету, бросили неподалёку от проститутки Ван **Ми**. **До утра вроде успокоились, только в дальнем углу, под нарами страстно стонали, тёрлись друг о друга две темпераментные лесбиянки.**

Утром принесли баланду, которую приходилось пить прямо из алюминиевой миски через край. Ложек не было. Хлеба тоже не дали, сокамерницы объяснили Ван Ми, что хлеб разносят в обед, - по маленькому кусочку на весь день. Но его нужно сразу же есть, прямо у кормушки, иначе отберут уголовники или бандитки, занимающиеся развратом с молодыми, неопытными, впервые попавшими за решётку девушками.

Ван **Ми** Нху не знала, за что её посадили в тюрьму, и всё ждала, когда вызовут к начальству и всё объяснят. Или, разобравшись в недоразумении, выпустят на свободу. Ведь это не она накинулась на стриптизёршу, китайку Чоу-киаохуи, а та первая ударила её по лицу. С этого и завязалось... И пострадавшая, в конце концов, - именно она, Ван **Ми**. **За что же её держат в полиции? Налоги она платит, вернее - её сутенёр, китаец** Бао Зэн-чань, на учёте как проститутка состоит, медицинскую комиссию проходит регулярно, клиентов не обворовывает, в ночных заведениях и гостиницах не дебоширит. Нет, полицейские явно погорячились, привезла её в этот вонючий, грязный крысятник.

Ван Ми умылась в унитазе - до умывальника было не протолкнуться. Раны и ссадины на лице стали подсыхать и больно стягивали кожу. Девушка размочила их водой, отёрла пальцами сукровицу и засохшие потёки, привела в относительный порядок одежду.

- **Что, думаешь, к начальнику вызовут? - понаблюдав за ней с неприкрытым интересом, усмехнулась зрелая, по виду опытная в тюремных делах женщина с выбитым передним зубом, ждавшая своей очереди в туалет. - Не мечтай, здесь некоторые по месяцу и больше сидят, и никто их ещё никуда не дёргал. Лучше определись на месте, займай подруг, устройся. Или думаешь всё время возле сортира сидеть, дерьмо нюхать и по голове получать?**

- **А куда определяться? Подскажи, - с надеждой глянула на неё молодая вьетнамка.**

- **Хочешь, возьму тебя к себе, заступаться буду, подкармливать, а ты мне за это сделаешь, что когда попрошу, - неожиданно**

предложила незнакомка, загоревшись жадным, проникающим в самую душу похотливым взглядом.

- Что я должна делать? - испуганно глянула на женщину без зуба Ван Ми.

- Это самое, не хочешь? - откровенно ляпнула опытная сокамерница.

Девушка подумала, что это малое зло, пусть уж лучше она с ней делает, чем страшные, грязные, похабные и вероятно больные уголовники, или взрослые злые развратницы, державшие под нарами целые гаремы забитых и затурканных молоденьких проституток-лесбиянок.

- Я согласна, - покорно проронила девушка.

- Нужно говорить «госпожа». Повтори, - поправила незнакомка без зуба.

- Я согласна, госпожа.

- О'кей. Меня зовут Куен Ань, а тебя, девочка?

- Ван Ми.

- Ты местная?

- Да, из Сайгона.

- Пойдём со мной.

Куен Ань привела Ван Ми в дальний конец камеры, указала на задёрнутые занавеской нижние нары у стены:

- Вот мой домик. Будем, подружка, теперь здесь жить вместе. Думаю, поместимся?

- Мне места много не надо, могу и в ногах сидеть, - торопливо заверила благодарная новой подруге вьетнамка Ван Ми.

- Вот и хорошо, девочка, будешь мне сказки на ночь рассказывать, - только страшные, я их люблю, и пятки чесать, - восторженно заговорила женщина без зуба. - А ночью, когда все уснут, я попрошу тебя о другом... И ты это сделаешь, коль обещала. Сделаешь, Ван Ми?

- Сделаю, когда попросите, - потупясь, выдавила молодая проститутка.

- Нужно обязательно добавлять «госпожа», - снова строго напомнила Куен Ань. Чёрные узкие глаза её при этом ещё

больше сузились и блеснули гневом. – Если ещё раз забудешь, я тебя больно поколочу. Поняла?

– Поняла, госпожа **Куен** Ань, – поспешно повторила вьетнамка, испугавшись, что уголовница действительно осуществит свою угрозу.

Глава 6.

Старший сержант Клейтон Ша отыскал в курилке командира взвода лейтенанта Кристенсена, тронул его за рукав форменной куртки:

– Сэр, можно вас на пару слов?

Стоит здесь заметить, что держался наш бывалый вояка независимо, и к старшему по званию обращался запанибрата. Молодой, можно сказать ещё зелёный, совсем недавно из Штатов, офицер не возражал. Знал, что в бою всецело может положиться на опытного заместителя и тот не подкачает. А это на войне самое главное.

– Что такое, старший сержант Ша? Я тебя слушаю.

– Насчёт следующего задания ничего не слышно? Как там в штабе? Ничего... Молчат?

– Знаю только, что намечается вылет на вертолётках на север к границе демилитаризованной зоны. В район города Хюэ.

– Это недалеко от «тропы Хо Ши Мина»? Будем действовать против северовьетнамцев? – оживился Клейтон.

– Возможно, но точно ещё ничего не известно, – пожал плечами лейтенант Кристенсен, раскуривая затухающую сигарету. – Говорили только, что нам в помощь прикомандируют отделение косоглазых. Пойдём в рейд вместе с ними. Они все оттуда, хорошо знают местность, будут вроде проводников. И форму будто бы нам поменяют.

– Это ещё какого дьявола? – в сердцах сердито воскликнул старший сержант, аж обернулись оживлено о чём-то разговаривающие в стороне, на соседней лавочке два афроамериканца.

– Приказы начальства не обсуждаются, Клейтон, – дружески сжал его руку, успокаивая, взводный. – Тебе что не нравится:

новая форма или то, что с нами на этот раз пойдут южновьетнамские ребята? Но это ведь хорошо. Среди них обязательно будет переводчик.

- У нас есть свой, - Алекс Эскобар. На черта нам косоглазые, - презрительно фыркнул старший сержант. - Лучше Ястребиного Когтя никто не переведёт, - сколько раз в этом убеждался. Ведь он, в пику местным азиатам, знает английский язык так же как свой родной - индейского племени Сиу... К тому же, мистер Кристенсен, хотел сообщить по этому поводу одну вещь: у северовьетнамцев полно китайских наёмников. Так что не мешало бы нам иметь в подразделении переводчика с китайского. И у меня уже есть один на примете...

- И кто же? - любопытствовал лейтенант Кристенсен, сочтя доводы заместителя вполне разумными и своевременными.

- Одна местная чолонская китаянка, танцовщица из ночного клуба. Боевая бабёнка, я вам доложу, сэр: на моих глазах разделала под орех одну вьетнамскую шлюху. Просто превратила её в свиную отбивную и уложила под деревом. Я такого ещё не видел. Прошу прощения, сэр, видел, конечно, всякое и даже пострашнее этого мордобоя, но чтобы так тузили друг дружку девчонки, - ей богу не приходилось. Если бы я не оттащил свою от вьетнамки, она бы её просто с землёй смешала.

- Это хорошо, Клейтон, я поговорю о твоём предложении с командиром роты, - согласно кивнул головой взводный.

- Обязательно поговорите, Энджи, - обрадовался рейнджер тому, что всё так удачно складывается и понравившаяся ему китаянка, возможно, вскоре окажется в их роте. - Капитан Беннет неплохой парень и очень хорошо меня знает. Мы с ним оба из Нью-Йорка. Скажите, что - под мою ответственность...

- Как зовут твою китаянку?

- Фэн Чоу-киаохуи.

Энджи Кристенсен записал имя в блокнот.

- У тебя всё?

- Да. Пойду на спортплощадку, посмотрю, как наши надирают задницы в регби второму взводу. - Клейтон Ша бросил окурок «Marlboro» в урну и ленивой походкой, по-медвежьей переваливаясь, направился к выходу из курилки.

На большом, вместительном стадионе, который оборудовало командование для военнослужащих базы, - несколько площадок. Людей много, каждый выбирал себе вид спорта по вкусу. Кто

кружился, наматывая мили на подошвы кед, по широкой беговой дорожке, овалом охватывающей весь стадион, кто до изнеможения качал пресс, поднимал гири и штанги или крутился на турнике. Два взвода рейнджеров из 75-го воздушно-десантного полка на специальной площадке за высоким сетчатым прямоугольным забором играли в американский регби-футбол.

Старший сержант Ша прошёл в калитку, поднялся с краю на трибуну, поискал глазами своих. Поблизости сидел только командир второго отделения, сержант Пол Райли. Клейтон охотно подсел к нему.

- Поболеем за наших, Пол? Что не играешь? Размял бы кости, потряхнул стариной... В колледже, небось, из чемпионов не вылезал?

- Нет, у меня дома другая физкультура была, - хмыкнул Райли.
- Я на ферме после школы работал, не до колледжей было. И регби не увлекался.

- Что так? - вопросительно глянул старший сержант. - Молиться, я понимаю, это, конечно, нужно. Для души и вообще... Для Бога. А вот что для тела? В джунглях ведь ох как приходится попотеть, пока всех «Чарли» не укокошишь. Сила нужна, не только молитва.

- Мне силу Господь через молитву посылает, - миролюбиво и кротко ответил сержант Райли. - А на войне не одна только сила нужна, но и дух, уверенность в победе. И чем крепче дух, тем сильнее человек. Ветхозаветный Давид был физически намного слабее огромного вражеского воина, филистимлянина Голиафа, однако убил его одним маленьким камешком, выпущенным из пращи.

- Занятно, - усмехнулся Клейтон. - Так ведь это когда было? Во времена царя Соломона? Посмотрел бы я, что твой Давид сделал бы со своей пращей против русского крупнокалиберного ДШК или гранатомёта РПГ-7. Да и Голиафа бы по кочкам разнесло и ветром развеяло, - в джунглях на пальмах только шмотки бы висели.

- Все мы под Богом ходим, - смиренно посмотрел в небо Пол, как будто хотел рассмотреть там остатки тел Давида и Голиафа, разорванных на кусочки советским гранатомётом.

- Скучно ты живёшь, старина Райли, - покровительственно похлопал сержанта по плечу старший сержант Ша. - В увольнительные в город не ходишь, с весёлыми, шаловливыми девчонками не развлекаешься, виски не пьёшь, сигареты не куришь. Мало того - в регби играть не любишь, гири не

выжимаешь, по стадиону, как антилопа, не бегаешь... Я уж думаю грешным делом: хоть бы вьетконговцы на базу напали, – посмотреть как бы ты от них улепётывал. За сколько бы до канадской границы добежал?

– Шутишь? – скривил губы в вымученной улыбке Пол Райли.

– Не дуйся, дружище, у меня просто хорошее настроение, – потрепал его по плечу Клейтон. – Вчера познакомился с очаровательной китайкой. Ты представляешь, ножки...

– Извини, приятель, но я лучше пересеяду в другое место, – вскочил на ноги смущённый, красный как рак Пол Райли. Пошёл вдоль рядов к восточной трибуне, подальше от старшего сержанта.

– Чёртов мормон, совсем меня за человека не считает, – выругался с досадой Клейтон. Закурил сигарету и, под крики, свист и улюлюканье болельщиков на трибунах, стал с интересом следить за игрой регбистов.

Первый взвод, как и следовало ожидать, выиграл у второго. Сияющий от радости старший сержант бросился на поле поздравлять победителей.

– Вы сделали их, парни! Я с вами. Это было здорово. Я просто в восторге! – Он крепко пожимал своим рейнджерам руки в больших спортивных перчатках, похлопывал по широкому, закованному под цветными майками в пластмассовые доспехи, плечам, отчего игроки смахивали на средневековых европейских рыцарей, дружески обнимал и тёрся щекой о щеку.

– Так держать, первый взвод! Скоро снова оправимся в джунгли на операцию: бейте косоглазых так же, как били второй взвод. – Чувства просто переполняли заместителя командира взвода Клейтона Ша. Он любил подобные великолепные зрелища. Впрочем, как и любой нормальный американец.

Рейнджеры шумной, весело гомонящей стаей, утирая полотенцами обильно катившийся по лицам пот, двинулись в раздевалку. Старший сержант подошёл к турнику, на котором вялой сосиской болтался длинный худой солдат афроамериканец, шугнул его от снаряда:

– Ну-ка, парень, посторонись. Дай мне позаниматься. А ты стой рядом и учись, морская пехота. Гляди, что воздушный десант умеет.

Клейтон снял чистую, тщательно отутюженную камуфлированную куртку, небрежно бросил в руки солдата. Подпрыгнув, ловко ухватился за перекладину, сделал несколько подъёмов

переворотом, поотжимался малость для разминки. Мышцы на руках напряжинились, задеревенели, – стало легко и радостно, как будто паришь в воздухе. Рейнджер почувствовал силу в лёгком как пёрышко, сбитом из одних мускулов, стальном жилистом теле: стал мастерски крутить «солнце». После продемонстрировал несколько шокирующих цирковых трюков. Взлетая вверх, отрывал руки от гладкой, отполированной металлической перекладины, падая вниз, снова цеплялся. Прodelывал подъём махом назад в стойку на руках с поворотом, сальто, пируэт и другие акробатические номера. Афроамериканец, раскрыв от восхищения рот, неотрывно следил за его гимнастическими выкрутасами.

Подошли переодевшиеся рейнджеры. Сержант Бруно Арнольд пренебрежительно пхнул чернокожего солдата рукой в плечо:

– Что, нигер, смотришь? Залазь на перекладину, покажи класс!

Морской пехотинец обиделся, со злостью бросил куртку старшего сержанта на асфальт и убежал. Через пару минут на спортплощадку гимнастов, как горох из раскупоренной банки, высыпала откуда-то целая куча афроамериканцев. Впереди всех нёсся давешний чернокожий солдат.

– Вот он, вот... Белая собака назвала меня нигером, – указывая коричневым пальцем на сержанта Арнольда, жаловался своим пехотинец.

Чёрных взорвало, как тротил на учениях:

– Бледнолицый облезлый койот оскорбил нашего Сью!

– Белый назвал солдата грязным нигером!

– Ку-клус-клановцы совсем обнаглели, – обзывают честных американских налогоплательщиков последними словами!

Двое чернокожих морских пехотинцев подскочило к Бруно вплотную. Третий угрожающе зашёл сзади. Сержант Арнольд, пятясь, вытащил брючный ремень, крепко намотал его на руку.

– Бруно, поостерегись! За спиной – нигер, – предупреждая, крикнул Джэйкоб Гудман и храбро кинулся на одного из нападавших.

Они сцепились. Тем временем сержант увернулся от удара второго афроамериканца, сам в ответ хорошо припечатал его левой в челюсть. В это время на него бросился сзади третий, сильным ударом в затылок сбил с ног. На выручку Арнольду сейчас же поспешил индеец Алекс Эскобар, сцепив пальцы тяжёлым замком, врезал подвернувшегося морского

пехотинца в подбородок так, что тот, – ляскнув челюстью, словно захлопнувшись волчьим капканом, – выплюнул на землю несколько зубов. Тут же, не давая врагу опомниться, Ястребиный Коготь ударил его кованым каблуком ботинка в грудную клетку. Афроамериканец так и покатился по асфальту под ноги дерущихся.

Тут вся компания чернокожих яростно, как стая изголодавшихся в прерии койотов, обрушилась на рейнджеров. Было их почти вдвое больше, но десантники дрались умело и стойко. Применяли известные им боевые приёмы, не дозволенные в боксе и спортивной борьбе, но здесь, в потасовке, нашедшие широкое поле для применения. Поспешил к своим парням и старший сержант Ша. От отвешивал крепкие и жестокие удары направо и налево, чернокожие морские пехотинцы так и отлетали от его увесистых кулаков. В коротком сражении рейнджеры уложили на землю полдюжины афроамериканцев, так, что некоторые не могли даже пошевелиться, не то, чтобы встать. Остальных теснили со спортплощадки. У них у самих тоже были расцвечены синяками и кровоподтёками лица, но не так сильно, как у противника. Больше всех пострадал только сержант Арнольд.

Он безжалостно молотил бляхой ремня по головам и чёрным физиономиям своих врагов, падавших добивал ударом обуви в крепкий солдатский ботинок ноги. Кровь густо текла у него из носа и уголка рта, но рейнджер в горячке схватки этого не замечал. Вот он добрался до нескладного худого верзилы Сью, из-за которого и началась драка. Тот, едва глянув на рейнджера и сейчас же узнав, прытко бросился наутёк, но сержант догнал его у скамейки для качания пресса, сделал ловкую подсечку ногой, и когда тот с маху грохнулся на землю, заработал ремнём со страшной бляхой.

Радист Гудман, стоя с Бруно плечом к плечу, защищал его левый фланг. От его мощных – как молотом по наковальне – ударов нападающие валились, словно сахарный тростник под мачете сборщика. С правой стороны от сержанта Арнольда сражался суровый индеец Ястребиный Коготь, похожий на своих предков из племени Сиу. Он то и дело выкрикивал боевой индейский клич и бил ребром ладони наотмашь, как будто остриём томагавка. Об эту слаженную, тесно сомкнутую фалангу расшиб лоб не один афроамериканец.

Старший сержант Клейтон действовал самостоятельно позади парней, как и подобает настоящему командиру. Он оберегал тыл подразделения. Бойцовскими таранными ударами своих литых, как будто железных кулаков опрокинул уже третьего или

четвёртого пехотинца. Сам не пропустил ни одного лобового удара, правда сбоку и сзади, изловчившись, его несколько раз хорошо достали афроамериканцы, но он отбил и от них. Крутятся бешеной юлой, Клейтон вкладывал всю свою силу и ярость в удары, как бы мстя чернокожим за все свои личные обиды и неудачи. Как будто это они, а не вьетконговцы были главными виновниками в том, что он вынужден со своими парнями в лучшие голы жизни заживо гнить в этих диких, далёких от цивилизации, непролазных вьетнамских джунглях.

На стадионе, услышав крики и шум побоища, загалдели, – особенно старались афроамериканцы. Некоторые даже стали пробираться сквозь толпу военнослужащих на помощь своим сородичам. Их задирали белые американцы, хватали за руки, не пускали. То здесь, то там вспыхивали короткие спорадические потасовки. Драка грозила вылиться во всеобщий межрасовый конфликт и нешуточные волнения на территории гарнизона. И тут в дело вмешалась военная полиция. Дубинками они быстро разогнали всех по казармам, особенно досталось афроамериканцам. Наиболее задиристых пехотинцев арестовали и бросили на губу. С рейнджерами обращались вежливо, не били, не кричали, увещевали словами: в полиции служили в основном одни белые.

– Вот, парни, лучшая тренировка перед очередным рейдом в джунгли, – шутил по пути в казарму старший сержант Клейтон. – И аппетит приличный нагуляли. Я бы сейчас съел мамонта вместе со шкурой, а ты Коготь? – Командир дружески обнял разгорячённого недавним мордобоем, потного Алекса Эскобара.

– Я бы, сэр, с удовольствием слопал аллигатора. У них, говорят, очень вкусное, питательное мясо. Даже в Макдональдсе из них гамбургеры делают, – ляпнул, поддерживая шуточный треп, индеец.

Рейнджеры дружно заржали, оценив дикарский юмор товарища. Многие смотрели на него так же, как на местных туземцев. Тем более, что в южновьетнамской армии они тоже были наряжены в американскую униформу.

– А я бы не отказался от простого обеда в столовке, – скромно добавил, вытирая кровь с разбитого лица, сержант Бруно Арнольд.

– Но сначала, господин сержант, вам нужно привести себя в порядок. В таком виде вас в столовую вряд ли пустят, – заметил рассудительный Джэйкоб Гудман.

– Очень верное замечание, – поддержал его старший сержант

Клейтон Ша. – Идём в умывальник, моемся, переодеваемся и – на обед... А здорово мы всё-таки надрали этим негритосам! Будут впредь знать, как связываться с рейнджерами, – мечтательно улыбнулся Клейтон.

После обеда он заглянул в санчасть – смазать йодом ссадины, царапины и прочие ушибы, – чернокожие всё же изрядно намяли ему бока. Постарались от души. Хорошо, что хоть все зубы остались целы. В кабинете сидела миловидная сочная блондинка в модных чёрных чулках и белом халате, вероятно, доктор. Старший сержант остолбенел от такой броской, как будто на подиуме конкурса, красоты.

– На что жалуетесь, сэр? – мягко обратилась к нему женщина, внимательно, оценивающим взглядом окидывая с ног до головы. А рейнджеры в 1-й кавалерийской аэромобильной дивизии, к слову сказать, были все ребята видные, как на подбор. Парни хоть куда, – ни одна девчонка не устоит.

Клейтон, тоже глядя на неё в упор сверлящим, рентгеновским взглядом, ляпнул невпопад:

– Я, мэм, не жаловаться сюда пришёл, а по нужде...

– По нужде в другое местечко ходят, парень, – усмехнулась докторша.

Старший сержант оживился, почуяв, как опытный хищник в джунглях, скорую добычу:

– Тут меня свора «Чарли» во время операции здорово покусала... Я, конечно, повышибал им зубы вместе с мозгами, чтоб больше такого не делали. Теперь вот боюсь: не ядовитые ли они? Вы бы взглянули.

– Раздевайтесь, мистер сержант, – строгим командирским голосом бордельной доминантши повелительно бросила женщина в белом халате.

– Совсем? – заигрывая, усмехнулся пришедший в себя Клейтон.

– А вам бы хотелось – совсем? – парировала докторша.

– Честно признаюсь, мэм, – только не здесь.

– Что ж, с языком у вас всё в порядке – подвешен хорошо. Посмотрим, как с остальными частями... – блондинка в чёрных ажурных чулках, выглядывавших из-под стерильно-белого, кокетливого халатика, грациозно вытолкнула себя из кресла и подошла к старшему сержанту.

Он стоял перед ней с голым торсом и гипнотизирующим взглядом смотрел в ясные, чистые голубые глаза. Взгляд его говорил о многом. Собственно, он выражал главное, что сейчас теплилось на самом дне сержантской души: это симпатия, расположение и нескрываемый интерес к женщине. Докторша безошибочным древним внутренним чутьём самки уловила его состояние. Это её взволновало до крайности. Интерес мужчины не может не тронуть женщину. Особенно опытную, познавшую жизнь и мужчин, обременённую домашними семейными заботами и проблемами. Интуитивно, на уровне подсознания, начинается внутренняя борьба между двумя её половинками: строгой порядочной матерью, женой, хозяйкой, хранительницей семейного очага, привыкшей к размеренному, упорядоченному существованию, и бесшабашной, эксцентричной, потерявшей голову и чувство реальности авантюристской, готовой ради новых ярких, непривычных ощущений, совершать невообразимые глупости, ломать годами сложившийся жизненный уклад и сжигать за спиной налаженные мосты.

Докторша осмотрела покрытую густыми волосами, мускулистую грудь рейнджера, потрогала пальчиками ссадины, синяки и ушибы на теле.

- Так не больно?

- Приятно, мэ...

- Больной, не отвлекайтесь, я серьёзно, - сердито взглянула она на Клейтона. - У вас подозрение на внутреннее кровоизлияние. Это серьёзно, с этим не шутят. Могут образоваться тромбы, особенно на голове в области мозга и тогда последствия не предсказуемы. Можете свободно отдать концы... Повернитесь спиной, сержант.

- Старший...

- Ещё неизвестно, кто из нас старше, - многозначительно хмыкнула докторша. - Я имею офицерское звание.

- Прошу прощения, не знал, - промямлил сконфуженный Клейтон.

- Он принимал женщину за простую медсестру.

- Я первый лейтенант - это вам на заметку, старший сержант.

- Учту.

- Мне нужно вас послушать и измерить давление.

- Господин первый лейтенант, вы и без того слушаете меня уже четверть часа, - пошутил Клейтон, довольный, что общение с

красивой докторшей затягивается.

- Не острите. Я послушаю ваши лёгкие, нет ли хрипов, - с непритворной досадой сказала женщина первый лейтенант. Вставила в уши мягкие изолирующие оливы стетоскопа.

- Прилягте на кушетку. Обувь можете не снимать.

Клейтон Ша лёг на белую простыню, расстеленную поверх клеёнчатой обивки. Не переставая смотреть на докторшу, представил, как она сейчас снимает халатик и ложится на него сверху... В чёрных чулочках, прицепленных маленькими бретельками к белому узкому кружевному пояску, охватившему крутой изгиб тонкой осиной талии. Полные мягкие ляжки её прижимаются к его загрубевшим в бесконечных походах, отвыкшим от белых постелей ногам. Он протягивает дрожащие руки и прикасается...

- Больной, о чём вы думаете? - как бы прочитывая его мысли, строго глянула на него докторша, присаживаясь рядом с ним на кушетку и беря в руку металлическую диафрагму стетоскопа.

- Так, ни о чём, мэм. Всякие глупости, - стушевался старший сержант.

Докторша стала прикладывать прибор к разным местам грудной клетки, выискивая у него в лёгких подозрительные хрипы. - Дышите. О'кей. Теперь не дышите. Так... Дышите. Глубже. Ещё глубже. Задержите дыхание. О'кей. Можно выдохнуть воздух... Перевернитесь на спину.

- С удовольствием проделал бы это вместе с вами, мэм, - не удержался от очередной скабрёзности неисправимый Клейтон.

- Когда станете доком, сэр, - с не меньшим удовольствием выполню, - заискрилась шаловливыми глазками женщина в чёрных чулках, подыгрывая пациенту.

- К сожалению, этого придётся ждать до окончания войны, - скептически усмехнулся рейнджер. - Да и то к тому времени дотяну только до ветеринара, не больше.

- Могу вас обрадовать, сэр: лёгкие совершенно чистые. Есть правда небольшие осложнения, но это, вероятно, от курения. Настоятельно рекомендую бросить.

- Спасибо, мэм. Вы меня просто утешили, - расцвёл Клейтон.
- Правда, о том, что я здоров, как буйвол, я и без вашей штучки прекрасно знаю. А вот за совет искренне благодарю. Воспользуюсь или нет, не знаю. Во всяком случае, пока буду здесь, в Азии - вряд ли.

- Это ваши проблемы, моё дело предупредить, - нахмурилась докторша. - Ну, а теперь, мистер старший сержант, присядьте к столу, измерю вам давление.

- Вы знаете... скорее всего оно - нормальное, - уверенно сказал Клейтон Ша, вставая с кушетки и натягивая нижнюю майку. - Давление у меня, господин первый лейтенант, в другом месте... Но там вы мерить, конечно, не будете. Да и прибор там нужен несколько другого свойства...

- Как знаете, - отложила аппарат для измерения давления смущённая от его слов женщина.

- Кстати, как вас зовут? - спросил, застёгивая форменную камуфлированную куртку, рейнджер.

- Баффи Харрис.

- А меня Клейтон Ша. Вот и познакомились. Надеюсь, ещё увидимся, - многозначительно сказал старший сержант и вышел из кабинета.

Глава 7.

Получив задание от резидента разведки майора Сяо-цан, стриптизёрша Фэн Чоу-киаохуи первым делом выяснила по своим каналам, где живёт сутенёр Бао Зэн-чань, чьи девчонки промышляли в ночном ресторане «Лонгвей». Направилась к нему днём, отоспавшись после работы, которая заканчивалась поздно. Он жил здесь же, в китайском квартале Чолон, за несколько кварталов от её квартиры. В сумочке у неё на всякий случай лежал полуавтоматический американский кольт М-1911.

Дверь открыла пожилая седоволосая китаянка в синем свободного покроя платье, напоминающем японское кимоно. Вопросительно, подслеповатыми щелочками слезящихся узких глаз, уставилась на нежданную гостью.

- Вы к кому, мисс?

- Могу я видеть господина Бао Зэн-чань? Это его квартира?

- Да. Сейчас позову, - кивнула головой пожилая китаянка. - Как вас отрекомендовать?

- Скажите, коллега по работе.

Женщина скрылась в глубине квартиры. Фэн отступила на три шага от двери, нащупала в сумочке кольт, вся напряглась, как кошка перед прыжком. Вскоре на пороге показался заспанный, полуодетый Зэн-чань.

- А-а, это ты, Чоу-киаохуи, - сладко позёвывая, сказал сутенёр. - Чего надо?

- Поговорить пришла, - вызывающе стрельнула в него глазками танцовщица. - Ты один?

- С матерью, как видишь.

- А твои проститутки?

- Ван **Ми куда-то пропала, а** Данг Суан со мной...

- Так и будем через порог разговаривать, или в квартирупустишь? - нетерпеливо спросила девушка.

- Проходи, только у меня не прибрано, - предупредил сутенёр.

- Ничего, у меня та же история.

Они прошли по длинному коридору мимо закрытых дверей в самый конец, Зэн-чань распахнул дверь боковой комнаты. Это была спальня, она же столовая, она же кабинет. На кровати, под одеялом лежала девушка: было видно только её усталое, вероятно, после бурно проведённой ночи, лицо. Вошедшая узнала вьетнамку Данг Суан, которую частенько видела в ресторане, в котором работала.

Сутенёр устало плюхнулся за стол, - видимо, вчера здорово перебрал, - закурил китайскую сигарету, придвинул пачку гостье.

- Плиз, мадам.

- Благодарю, сэр, - в тон ему ответила Чоу-киаохуи. Тонкими пальчиками потянула из пачки маленькую белую трубочку с жёлтым ободком фильтра. Мужчина галантно чиркнул зажигалкой, дав прикурить.

- Дай и мне сигаретку, - попросила с кровати вьетнамка.

- Сама возьмишь. Я тебе не бой, а ты не госпожа, - скривился китаец. - И хватит вылёживаться, мозоли на боках натирать. Рабочий день начался. Живо вставай, приводи себя в порядок и ступай на работу. Между прочим, это последняя пачка самых дешёвых, дрянных китайских сигарет. На американские уже не хватает денег. Так вы хорошо работаете с потаскухой Ван **Ми, чёрт бы её побрал.**

Сутенёр сердито засопел, раскуривая вонючую сигарету, прищурился от въедливого, попадающего в глаза дыма.

Данг Суан как была, голая, ничем не прикрываясь, не стесняясь китаянки Фэн, встала с кровати, грациозной походкой антилопы подошла к столу, пальцем ловко выбила из пачки сигарету. Хозяин наблюдал за ней равнодушным взглядом, в котором кроме томительного ожидания нельзя было прочесть ничего. Закурив, вьетнамка выпустила к потолку целое облако сизого дыма, аппетитно покачивая крутыми полными бёдрами, направилась за складную ширму – одеваться.

Китаянка проводила её красивую фигуру заинтересованным взглядом, поискав на столе пепельницу, сбила пепел на грязный, давно не мытый пол.

– А она ничего, эта твоя Данг Суан, – заметила гостя. – У тебя неплохой вкус.

– Я смотрю, ты на неё глаз положила? – лукаво усмехнулся сутенёр Бао. – Ты случайно не лесбиянка?

– А какое это имеет значение?

– Это я так... – замаялся Зэн-чань. – Ты зачем пришла?

– Поговорить о твоих сучках, – с вызовом, зло процедила Чоу-киаохуи. – Они совсем охамели последнее время: в наглую отбивают у меня серьёзных клиентов с тугими кошельками. И где, чёрт возьми? На моей территории! Я недавно одну твою хорошенько проучила: ту самую шлюху, Ван **Ми** Нху. Разделала её, как трепанга на кухонной плите. Разукрасила ей всю морду до безобразия: так, что и мама родная не узнала бы. Ты её не видел после этого?

– Нет. Она куда-то запропастилась. Может, отлёживается где-нибудь у подружек или дружков после взбучки, – пожал плечами Бао Зэн-чань.

– Хорошо, никуда эта стерва не денется, – пренебрежительно отмахнулась китаянка. – Поговорим о главном.

– И о чём же? – насторожился Бао.

– Ты косишь «баксы» на нашем «чеке»,¹ – загадочно предъявила стриптизёрша.

– И что?

– И не платишь нам ни копейки, – продолжила, ещё сильнее прищурив и без того узкие глаза, Чоу-киаохуи.

- Но у меня есть «крыша». Я плачу местной чолонской мафии, почему я должен платить ещё и вашему заведению?

- Мне глубоко плевать на мафию и на дирекцию ресторана, - угрожающе сунула руку в сумочку китаянка. - Ты должен платить нам, Вьетконгу.

- Я так и понял, - оживился Бао Зэн-чань. - Ты работаешь на коммунистов?

- Да, и не советую тебе с нами ссориться, господин Бао... Сам знаешь, чем это пахнет, - Фэн вытащила из сумочки свой Кольт и с негромким стуком многозначительно положила около себя на край стола.

Услышав необычные слова китаянки, выглянула из-за ширмы полуодетая Данг Суан. Уставилась со страхом на танцовщицу. Сутенёр Зэн-чань замаялся:

- Но если я не буду отстёгивать «баксы» китайским бандитам, они просто меня зарежут или застрелят где-нибудь в тёмном переулке. С мафией тоже шутки плохи.

- Если у тебя будет наша «крыша», мафия ничего тебе не сделает, - уверенно пообещала девушка. - Потому что большинство бандитов - наши люди. Они сотрудничают с Вьетконгом, - он, в конце концов, победит марионеточный режим Нгуен Ван Тхьеу и вышвырнет из страны американских империалистов. Ну, а какой выбор сделаешь ты, Бао Зэн-чань? Подумай... Неужели ты не понимаешь, что Вьетконг в своей героической борьбе не одинок - за его спиной стоит Северный Вьетнам Хо Ши Мина, а его поддерживает великий кормчий всех китайцев, председатель Мао Цзэдун. И не только Китай: на нашей стороне Северная Корея и огромная Советская Россия. Хоть там последнее время к власти пришли ревизионисты, искавшие учение Маркса и Энгельса, но всё равно они против Америки и поддерживают Северный Вьетнам... Я убедительно обрисовала тебе ситуацию в мире?

- Более чем, - поник стриженной под ёжик головой Бао. - Говори, что тебе надо?

- Не мне, а Вьетконгу, - уточнила китаянка.

- Пусть будет так.

- Отныне твои шлюхи не должны путаться у меня под ногами, - строго заговорила Чоу-киаохуи. - Прежде чем начать работу в «Лонгвее», они всякий раз будут спрашивать у меня разрешение. Я сама стану подыскивать и рекомендовать им клиентов. Перед этим подробно проинструктирую, что они должны говорить

и как поступать в том или ином случае. Клиенты в основном будут американцы, и твои проститутки должны ненавязчиво вытягивать из них нужную нам информацию. Если нужно скопировать какие-нибудь важные документы, я буду выдавать фотоаппараты и снотворное, которое шлюхи подсыпят в виски или вино военнослужащих американской армии. Делать это надо очень осторожно, чтобы никто ничего не заподозрил. Иначе им несдобровать.

- Это и меня касается, мадам Фэн Чоу-киаохуи? - спросила, выйдя из-за ширмы и поправляя на ходу наряд на своём полноватом теле, вьетнамка Данг Суан. - Вы так уверенно говорите, как будто уже услышали моё согласие, но я его не давала и не дам. Я не хочу шпионить за американскими солдатами: они такие милые... К тому же, если меня поймают, то будут жестоко бить, а я страшно боюсь пыток.

- Тогда тебе придётся менять профессию, - сухо сообщила Чоу-киаохуи. - И это ещё не самое худшее. Дело в том, что после всего тут услышанного, мы не сможем оставить тебя в покое... Тебе придётся выбирать одно из двух, - либо ты с нами, либо нет. А как говорил великий Кормчий: «Кто не с нами - тот против нас!» А против нас, коммунистов Вьетконга, могут быть только враги. А с врагом на поле боя как поступают?.. - Китайка демонстративно потрогала лежавший перед ней пистолет.

Молодая вьетнамка, испуганно проследив за движением её руки, вся съёжилась и вскрикнула. Она поняла, что с ней будет в случае отказа, и тут же темпераментно закивала головой, торопливо заговорила, сглатывая покотившиеся из глаз слёзы:

- Я согласна, согласна, госпожа Чоу-киаохуи! Только, пожалуйста, не убивайте меня, как Ван **Ми**.

- С чего ты взяла, что твою подружку убили мы? - недоуменно взглянула на проститутку китайская разведчица.

- Я так подумала... Её вот уже третий день нет, вы её били... - невнятно промямлила вьетнамка.

- Иди и держи язык за зубами, - повелительно скомандовала Фэн Чоу-киаохуи. - И помни, что я тебе сказала... А Ван **Ми** никто не убивал. И она, вероятно, скоро объявится.

Насмерть перепуганная вьетнамка Данг Суан Ву быстро выскользнула за дверь, тихо прикрыв её за собой. Разведчица Чоу-киаохуи повернулась к сутенёру.

- Ты тоже, надеюсь, всё понял, мистер Зэн-чань?

- Более чем... Отныне буду перекрашиваться в красный цвет.
- Это весьма разумное решение. Ты не прогадаешь, приятель,
- удовлетворённо взглянула на него танцовщица. - А теперь
давай чем-нибудь промочим горло. У тебя есть виски или
маотай?

Для дорогой гостьи всё есть, на выбор, - многозначительно подмигнул хозяин квартиры и раскрыл перед Фэн стеклянные дверцы небольшого, висевшего на стене в самом углу комнаты, шикарного бара. В его сияющей хрустальной глубине искрились стеклом, отражённым от зеркальной задней стенки, бутылки различной величины и формы с красочными иностранными наклейками. Китайка, алчно загоревшимся взглядом, заглянула внутрь этого блестящего великолепия: здесь были и американский виски, и английский брэнди, и кубинский ром, и французский кальвадос, и японское сакэ, и маотай - рисовая китайская водка, и жэу-жан - вьетнамская змеиная водка, и даже русская, чистая как слеза «Столичная», и много-много другого. Алкоголь на любой извращённый вкус и выбор проверенного в многочисленных застольях гурмана.

¹ Рисовое поле (вьетнамск.).

* * *

Резидент китайской разведки майор Жонг Сяо-цан в этот вечер пребывал в глубокой растерянности: ему предстояла встреча с одной одиозной личностью, о которой он узнал от своего секретного агента, китайки Фэн Чоу-киаохуи. Это был некто Хуан Би-жикианг, местный чолонский транссексуал, а попросту гомосексуалист, пока ещё не завербованный вьетконговцами. Но в свете предстоящей боевой операции «Тет» он мог бы пригодиться для выполнения ответственного спецзадания: внедрения в среду американского дипломатического корпуса в Сайгоне. Янки, как известно, падки до всякого рода азиатской сексуальной экзотики, чёткой границы между натуралами и гомосексуалистами у них нет. Следовательно, транссексуал Хуан Би-жикианг мог бы сослужить своему народу, то есть китайцам, коммунистической партии и великому кормчему хорошую службу.

Резидент шёл по затихающим улочкам Чолона в известный ночной ресторанчик «Лонгвей», что в переводе с китайского означало «Величие дракона» - символическое название. Именно

здесь работала стриптизёршей его тайный агент Фэн Чоу-киаохуи. Здесь же майор Жонг рассчитывал отыскать и Хуана Би-жикианга, который, по словам Фэн, облюбовал это уютное местечко для своих интимных свиданий. Растерянность майора имела веские основания: ему, коммунисту с пятнадцатилетним стажем, горячо верящему в идеалы великой китайской революции, фанатично преданному Мао и готовому отдать за него жизнь, приходилось иметь дело со всякими отбросами старого буржуазного общества: спекулянтами, бандитами, сутенёрами, проститутками и вот даже – гомосексуалистами. Не пострадает ли чистая, как родник в горах Тибета, идея бессмертного марксизма-маоизма, если в неё, в процессе борьбы с мировым империализмом и советским ревизионизмом, будут вливаться грязные ручейки отжившего, отмирающего мироустройства?

И в то же время, идея идеей, но лучшим оружием против американского империализма и его верного приспешника, сайгонского кровавого режима Нгуен Ван Тхиеу, являются эти самые отбросы общества, которых он, майор Жонг Сяо-цан, вербует во вражеской столице. Во всяком случае, кто-то из великих сказал: чтобы хорошо бить врага, нужно знать его оружие! А почему бы не только изучать оружие врага, но и применять его против него самого?

Так размышлял Жонг Сяо-цан, подходя к нужному ему заведению. Он шёл один, чтобы не привлекать подозрения переодетых полицейских агентов, которыми кишели вечерние сайгонские улицы, проспекты, парки и площади. Коммунисты переняли их тактику и тоже рассредоточили по городу своих людей. Так что майор Жонг всё равно был не один, и в случае серьёзной опасности всегда рассчитывал на скорую помощь переодетых местных подпольщиков и просочившихся в город партизан. Хотя подпольщикам из числа чолонских китайцев резидент разведки доверял больше, чем вьетконговским партизанам. Дело в том, что те, по мнению многих товарищей здесь, в Южном Вьетнаме, на севере, в ДРВ, и в самом Китае, вели двойственную политику, сотрудничая и с КНР, и с их противником – ревизионистским хрущёвским СССР. И хоть русские ограничивались присылкой в Северный Вьетнам Хо Ши Мину только вооружения, инструкторов и лётчиков-добровольцев, а Китай отправлял не только боевую технику, но и целые подразделения своих войск, в Пекине не одобряли подобную лояльность Ханоя.

Майор Жонг Сяо-цан вполне разделял данную политику руководства своей страны: русских он просто терпеть не

мог и имел на это веские основания. Год назад ему была поручена секретная операция на северной границе КНР, в Маньчжурии, на одном из заброшенных, диких островов по реке Уссури, Славянском, который раньше, где-то в XVIII веке, принадлежал Китаю, или как он тогда назывался – империи Цин. Потом, пользуясь ослаблением Китая, царское правительство проложило границу по урезу воды вдоль китайского берега реки Уссури так, что остров оказался во владениях России. Между тем располагался он ближе к китайскому берегу, а по международному праву, речная граница должна проходить строго по главному фарватеру. Такое положение оставалось и во времена правления русского царя Николая II, и после революции, когда к власти пришли коммунисты, а бывшая Российская империя была преобразована в СССР. Китайские власти не поднимали вопрос о границе по реке Уссури вплоть до 1953 года. И только после смерти верного друга Мао, вождя всех времён и народов Иосифа Сталина и появления на политическом горизонте в Советском Союзе ревизиониста и реставратора капитализма Хрущёва, а также в связи с началом в Китае культурной революции, проблема урегулирования дальневосточной границы стала весьма актуальной. Но решать её в Пекине задумали по-своему...

Глава 8.

Конец января выдался на Уссури весьма морозным и ветреным. Китайские пограничники выходили в наряды в громоздких овчинных монгольских тулупах и меховых шапках с откатанными наушниками, на руках – огромные волчьи рукавицы. В таком виде солдаты походили на неповоротливых, неуклюжих медведей, и не то что воевать или преследовать нарушителей, но даже двигаться могли с большим трудом. Впрочем, советская сторона привычки нарушать государственную границу дружественного народного Китая не имела. Давно канули в Лету послереволюционные времена, когда хлынули в китайскую Маньчжурию разбитые на Дальнем Востоке красными партизанами отряды белогвардейцев, спасающиеся от расправы уссурийские и амурские казаки, а также украинские крестьяне и торгово-купеческий люд. В Цицикаре, Харбине, Мукдене, Калгане, Нанкине, Кантоне появились новые кварталы, заселённые выходцами из России.

Нарушители шли только в обратном направлении, особенно

после того, как в 1932 году японские милитаристы захватили территорию китайской Маньчжурии и создали якобы независимое государство – империю Маньчжоу-Го. И вот снова на советско-китайской границе напротив острова Славянского – беспокойно. В Пекине вспомнили, что когда-то остров принадлежал империи, подняли старые карты, убедились, что это так и есть, и стали требовать у Москвы его возврата, а заодно и пересмотра всей границы по реке Уссури. В северную Маньчжурию были посланы специальные резиденты разведки для работы с местным населением и подняты по тревоге части Народно-освободительной армии.

Майор Жонг Сяо-цан ходил по соседним с островом Славянским китайским и маньчжурским деревенькам и подговаривал местных жителей отобрать у русских остров. Тем более, что, кроме советских пограничников, там не было ни одного жителя. Даже волки не забредали на этот пустынный клочок земли, потому что там нечем поживиться. Он настолько мал, что весной, во время паводка, островок полностью скрывался в водах разлившейся, подтопившей прибрежные низины реки Уссури. В связи с этим, постоянно жить на Славянском невозможно – весенний разлив смывал бы жилые постройки. Да и не разрешалось местным жителям селиться в приграничной зоне. Между тем, несмотря на полнейшую бесполезность крохотного, пустынного островка, одна великая держава вот уже третий век цепко держалась за него, уподобившись собаке на сене, а другая – строила планы любыми путями, вплоть до вооружённого, оттяпать его у северного соседа...

В воскресенье на правом, китайском берегу собралась огромная толпа крестьян, среди которых было несколько десяткой приехавших из ближайшего небольшого городка хунвейбинов во главе со своим лидером – статным, красивым студентом с небольшими тонкими усиками, в очках и в рысьей шапке на голове, – Ронг Фан-као. Крестьян возглавлял председатель местной сельскохозяйственной народной коммуны Ксу Пань-цзю.

Государственная граница проходила прямо по береговой кромке, и крестьяне с хунвейбинами не решались ступить на лёд Уссури. Зато им хорошо видны проходившие совсем рядом, вблизи берега, советские пограничные дозоры, охранявшие условную «контрольно-следовую полосу». Она появлялась только в зимнее время, когда замерзала река. В остальное время года советские пограничники располагались на самом острове, а вдоль береговой линии плавали дозорные катера. Таким образом, китайские крестьяне не могли ловить рыбу в реке –

это считалось нарушением государственной границы, советские пограничники безжалостно хватали всех нарушителей-рыболовов, отбирали лодки, снасти, улов, а самих – продержав несколько дней на погранзаставе в специальной каталажке, хорошенько допросив и постращав, – отпускали с миром. Отобранное имущество, несмотря на горячие протесты китайской стороны, не возвращали.

Завидев подходивший советский пограничный наряд – двух солдат в жёлтых овчинных полушубках с зелёными погонями на плечах, с автоматами Калашникова и немецкой овчаркой на поводке, толпа китайских демонстрантов просто взвыла от негодования. В русских полетели снежки и отборные проклятия на китайском языке. Один снежок метко влип в глаз рослому упитанному старшему сержанту.

– Ах ты курва узкоглазая! – грязно выругался тот и направил ствол автомата на толпу, что бесновалась на берегу. – А ну выходи, блин, кто кинул. Усрался, мать твою... Я сейчас из тебя живо всю дурь вышибу.

– Степан, не ведись, не видишь – это же провокация, – тронул товарища за рукав полушубка второй пограничник. – Им того и надо, чтобы мы в них пальнули сгоряча. Потом международный скандал раздуют. Ну их на...

Договорить ему не дал ещё один снежок, попавший в шапку-ушанку. Снег густо запорошил красное от мороза лицо солдата.

– Русская собака, убирайся с нашей земли в Москву!

– Руки прочь от коммунистического, народного Китая!

– Советские ревизионисты и оккупанты, целуйте задницу своему Хрущёву! – посыпались вместе со снежками оскорбительные выкрики с китайского берега. Особенно усердствовали молодые студенты и школьники – хунвейбины; в руках – палки, железные цепи и куски арматуры. У некоторых в карманах пальто и полушубков были, видимо, и пистолеты. У лидера Ронг Фан-као револьвер засунут за солдатский поясной ремень, а председатель сельхозкоммуны Ронг Фан-као сжимал ремень переброшенного через плечо старого армейского карабина.

Тут уже не выдержал второй советский солдат, кинолог, – он держал за поводок овчарку. Указав рукой в сторону галдящей на берегу нестройной толпы китайских провокаторов, чтобы припугнуть, громко подал команду: «Геббельс, фас китаёзов!» – в то же время крепко натянул поводок, чтобы собака не вырвалась. Она восприняла команду всерьёз и, что есть силы рванувшись к запретке, завизжала. Удавка ошейника крепко

сдавила ей горло, не пуская. Овчарка сделала стойку на задних лапах и протащила пограничника несколько шагов к китайскому берегу.

- Фу, Геббельс, нельзя! - испуганно вскрикнул старший сержант и тоже ухватился рукой за поводок, сдерживая собаку. Укоризненно глянул на напарника: - Ты чё, Колян, офонарел? Точно - на международный скандал нарвёмся.

На китайской стороне заорали, засвистели и заулюлюкали ещё громче. Причём одинаково старались как парни хунвейбины, так и девушки. Одна из них, наиболее бойкая, одетая по мужски в брюки и короткую меховую куртку, повернулась к пограничникам задом, сбросила на снег рукавицы, куртку, расстегнула утеплённые ватные штаны, нагнулась. Советские солдаты, не понимая, что она хочет делать, недоуменно уставились на китайянку. В ту же минуту она стащила брюки вместе с большими чёрными трусами и оголила белую задницу.

- Вот тебе жопа, русский козёл! Поцелуй моя в задница, как целуешь Хрущёва, - заорала она весело и звонко шлёпнула себя сначала по одной, потом по другой ягодице.

Китайцы встретили её выходку взрывом гомерического хохота, некоторые, схватившись за животы, театрально попадали в снег. Другие хунвейбины - парни и девушки - последовали примеру своего товарища по борьбе, выстроились длинной шеренгой вдоль берега, спустили, не взирая на крепкий мороз, штаны или задрали юбки. Весь берег украсился колоритными, разной формы и размеров, задницами.

- Русский ишак, это лицо Хрущёва! Целуй своего кормчего, - вновь весело загомонили хунвейбины, похлопывая себя ладонями по ягодицам.

- Тьфу ты, дикари узкоглазые! - сплюнул, презрительно взирая на безобразную сцену, старший сержант Степан Пшеничников. - И это граждане народной республики?.. Что-то я не пойму, Орешкин, что с ними случилось. Анаши обсадились, что ли, или рисовой водки нажрались?

Николай Орешкин передал товарищу поводок овчарки, слепил крепкий снежок, с криком: «Китаёзы, ложись, граната!» - метко запустил им в ближайшую, покрасневшую на морозе, круглую задницу. Китайянка, в которую угодил снежок, глухо ойкнула и от неожиданности ткнулась лицом в сугроб. Тут уже засмеялись советские пограничники. Старший сержант Пшеничников, сложив руки в рукавицах рупором, весело прокричал:

- Что, китайская шалава, получила заряд в самое место...
Поднимайся, ещё добавлю.

- Ай, ай, товарищи, - русский стрелял из автомат! - с дуру заорала упавшая. Хунвейбинке и вправду почудилось, что ей в интересное место угодила советская пуля.

Ближайшие хунвейбины, поддерживая штаны, бросились на помощь барахтавшейся в снегу китаянке. В задних рядах не поняли, что произошло, им показалось, что действительно был выстрел. Председатель сельской коммуны Ксу Пань-цзю смахнул с плеча карабин, быстро передёрнул затвор и выстрелил в воздух.

- Не стрелять! Рано ещё, товарищи, не стрелять без моего приказа, - остановил схватившихся было за оружие хунвейбинов майор Жонг Сяо-цан, вытащил свой, изготовленный по советскому образцу ТТ.

Советские пограничники, услышав выстрел на китайской стороне, дружно упали в снег и выставили перед собой автоматы. Рядовой Орешкин уложил рядом рванувшуюся было в сторону нарушителей овчарку. Старший сержант Пшеничников дал короткую очередь поверх голов заволновавшихся китайцев.

- Всем назад, блин! Первая - предупредительная. Если кто сделает хоть шаг на лёд - стреляю на поражение!

Толпа китайцев боязливо отхлынула подальше от берега. Хунвейбины на ходу натягивали штаны, девушки оправляли смявшиеся юбки, пальто и куртки. Сельские активисты, у кого было на руках оружие, во главе с председателем заняли оборону на взгорке. Туда же подтянулись и некоторые вооружённые револьверами и советскими пистолетами хунвейбины. Залегли по-солдатски - в снег. Лидер городских студентов и школьников Ронг Фан-као приблизился к резиденту китайской разведки Жонг Сяо-цану. Глаза у него горели бойцовским огнём, правая рука крепко сжимала потёртую рукоятку старого револьвера.

- Товарищ майор, разрешите мне с моими бойцами обойти русских справа и ударить в тыл. Мы их положим на льду в два счёта. Разрешите действовать против ревизионистов?

- Рано, товарищ Ронг, - отрицательно качнул головой резидент, указывая рукой на дальнюю оконечность острова Славянского.
- Вон, видишь, русский наряд спешит на помощь патрульным. Услышали выстрелы и поднялись по тревоге. А пойдёшь ты со своими студентами на их сторону, тут вскоре вся застава под ружьё встанет. А к нам ещё воинские подразделения на помощь не подоспели. Нет, подождём немного. Чтобы наверняка...

* * *

Дежурный по заставе, осетин старший лейтенант Дзамбулат Икаев, разводящий сержант Шкабардня и два дозорных пограничника: ефрейтор Манушин и рядовой Ковалевич с оружием наизготовку со всех ног бежали по льду реки Уссури к контрольной полосе. Залёгший в глубоком снегу патруль, завидев подмогу, приободрился.

- Наши бегут, Колян. Живём, брат, - обрадовано произнёс старший сержант Пшеничников. - Вишь, китайёзы враз ноги от берега сделали, по кустам и за буграми попрятались.

- Жаль, а то б я шамльнул им по голым жопам, - пошутил кинолог Орешкин.

Дежурный по заставе с солдатами приблизились вплотную, дозорные быстро вскочили на ноги, спешно отряхнув снег, вытянулись перед командиром. Пшеничников, кинув руку к шапке, лихо доложил:

- Товарищ старший лейтенант, дозорная группа в составе двух человек пресекла попытку нарушения государственной границы СССР. Со стороны китайских провокаторов был произведён одиночный винтовочный выстрел, толпа нарушителей попыталась вторгнуться на нашу территорию. В ответ я произвёл предупредительную очередь в воздух. Вследствие чего, а также увидев вас, китайцы драпанули к себе на ту сторону. Пострадавших с нашей и с их стороны нет. Старший группы...

- Хорошо, Пшеничников, благодарю за службу, - не дослушав, махнул рукой старший лейтенант Икаев. - Сейчас быстро отходим на остров к посту наблюдения и продолжаем выполнять задачу. За мной.

Шесть пограничников с собакой поспешно двинулись к острову Славянскому. Китайцы, решив, что русские испугались и отступают на свою территорию, заметно приободрились. Снова высыпали на берег, загалдели, заорали. Кое-кто выстрелил в воздух из карабина.

Пограничный наряд остановился. Старший лейтенант Икаев произвёл выстрел из табельного пистолета поверх голов китайских крестьян и хунвейбинов. Те вновь боязливо отхлынули от берега. В ответ кто-то из нарушителей пальнул в советских солдат. Пуля угодила в голову овчарки. Геббельс, жалобно взвизгнув, повалился на снег, который вмиг окрасился собачьей кровью. Кинолог Орешкин, всё ещё сжимая правой

рукой кожаный поводок, недоуменно, во все глаза смотрел на мёртвого пса. Горло его перехватили спазмы:

- Сволочи! Геббельса подстрелили... - Он растерянно и беспомощно взглянул на командира, как бы прося помощи.
- Товарищ старший лейтенант, что же это такое?.. Да я им, гадам!..

Орешкин передёрнул затвор автомата и направил его в сторону китайцев. Губы его искривил зигзаг зловещей улыбки.

- Всех китайцов - на фиг, под корень! Маму я их видал...

- Николай, не смей! - взревел не своим голосом старший лейтенант Икаев, как уссурийский тигр бросился на подчинённого и резко вздёрнул вверх ствол его акэма.

Прогрохотала длинная очередь, пули веером ушли в безоблачное морозное небо. Рядовой Орешкин с руганью бросил на снег автомат и припал к мёртвой овчарке. Остальные пограничники, рассыпавшись по льду Уссури, присели; оцетинились автоматами. Молча ожидали команды Икаева, стараясь не смотреть на плачущего возле мёртвого четвероногого друга Николая Орешкина.

- Подними оружие, солдат, - глухо приказал старший лейтенант.

Николай покорно закинул за спину автомат, взял на руки собаку.

- Зачем? - недоуменно глянул не наго Дзамбулат Икаев.

- На острове похороню. Не этим же собакам оставлять, - недовольно буркнул Орешкин. Один, не дожидаясь распоряжений командира, побрёл по глубокому снегу к острову Славянскому.

Офицер подал команду остальным, и пограничники быстро догнали товарища. Николай не обращал внимания на то, что его руки и новенький овчинный полушубок вымазаны собачьей кровью. В эту трагическую минуту он вообще ничего не замечал, кроме мёртвого тела верного друга, с которым прослужил на границе вот уже полтора года.

Пограничники быстро преодолели оставшееся расстояние до острова. Здесь, на западном берегу, старший лейтенант Икаев оставил ефрейтора Манушина и рядового Ковалевича следить за китайской стороной, с остальными последовал к восточной оконечности, поросшей редколесьем. Под кроной высокой, старой лиственницы находился пост пограничного контроля, где имелась телефонная связь с заставой по кабелю, проложенному по дну реки Уссури.

Николай Орешкин, отойдя несколько метров от поста, расчистил ногами снег и принялся долбить штык-ножом мёрзлую землю – готовить могилу для Геббельса. Старший сержант Пшеничников поспешил ему на помощь. Дзамбулат Икаев снял трубку полевого телефона, попросил на том конце провода позвать к аппарату начальника погранзаставы.

– Я вас слушаю, – услышался вскоре в трубке знакомый голос.

– Товарищ капитан, обстановка на острове Славянском накаляется. На китайской стороне собралась большая толпа провокаторов, многие с оружием. Только что выстрелом из карабина СКС убили овчарку кинолога Орешкина. Он её закапывает с Пшеничниковым. Я отвёл пограничный дозор от китайского берега, оставил людей у западного края острова.

– Хорошо, старший лейтенант. Продолжайте вести наблюдение за китайской стороной. Не поддавайтесь ни на какие провокации, они только этого и ждут. Обо всём докладывайте. До связи.

* * *

К вечеру на подмогу хунвейбинам прибыл батальон Народно-освободительной армии Китая с миномётами и крупнокалиберными пулемётами, а также батарея безоткатных орудий. Это заметно взбодрило собравшихся на берегу нарушителей и вселило в их сердца уверенность в победе. Шутка ли – целый батальон вооружённых автоматами солдат и пушки! Разведчик, майор Жонг Сяо-цан, не откладывая, вызвал на летучее совещание в прибрежный населённый пункт командира пехотного батальона Бохай Юань-ча, командира батареи Вей Кун-дао, лидера хунвейбинов Ронг Фан-као и председателя народной сельхозкоммуны Ксу Пань-цзю. Стали разрабатывать план нападения на остров. Решено было под покровом ночной темноты направить на остров Славянский несколько десятков крестьян и хунвейбинов, вооружённых револьверами, карабинами СКС, палками и кусками металлической арматуры. Сразу за ними пустить роту солдат. Остальные роты рассредоточить вдоль берега, оставить пока в резерве. Батарею безоткатных орудий выставить на прямую наводку, оборудовать в тылу позиции для миномётов. Пулемёты расположить на берегу, в пехотных цепях.

– Наша задача, товарищи командиры, штурмом захватить остров и вернуть его Китайской Народной Республике, – подытожил совещание майор Жонг Сяо-цан. – Огонь на поражение открыть первыми, не дожидаясь, когда это сделают русские. Если

они вызовут подмогу с ближайших погранзастав и воинских частей, – обстрелять их из миномётов и орудий. Пехотным ротам, остающимся в резерве, быстро перебазироваться на остров и занять круговую оборону на берегу, вместе с первой группой солдат и мирных жителей. Её поведу через границу я сам. Остальные роты батальона – вы, чжунсяо¹ Бохай Юань-ча, – взглянул на комбата резидент разведки.

– Извините, товарищ шаосяо,² вы ошибаетесь, называя меня этим воинским званием, – возразил вдруг Бохай Юань-ча. – Может быть, у вас в разведке другие порядки, но в Национально-освободительной армии Китая все звания отменены.

– Вам, товарищ командир батальона, неприятно почувствовать себя настоящим офицером? – скептически усмехнулся Жонг Сяо-цан. – Ведь раньше, до реформы 1965 года, командиры вашего уровня носили погоны чжунсяо.

– Я подчиняюсь указам партии, законам КНР и воле великого кормчего, первого Председателя ЦК КП Китая Мао Цзэдуна, – сухо, но твёрдо ответил Бохай Юань-ча.

– Это естественно. Мы все выполняем волю великого и мудрейшего Мао Цзэдуна, – в тон ему сказал Жонг Сяо-цан, похлопав себя по нагрудному карману защитного цвета кителя под распахнутым овчинным полушубком, где лежал цитатник Мао.

Такие же миниатюрные книжечки с изречениями вождя носили с собой все китайцы от мало до велика. Многие заучивали цитаты наизусть и постоянно выкрикивали их к месту и не к месту. Особенно усердствовали сельские активисты и хунвейбины на советско-китайской границе, просвещая нетленными высказываниями первого Председателя Мао Цзэдуна стоявших на постах русских пограничников.

Под конец совещания майор велел всем отправлявшимся на русский остров активистам и солдатам оставить в лагере документы и личные вещи, чтобы в случае чего, русские не могли узнать ни номера войсковой части, ни имени военнослужащего или сельского коммунара. Всё должно проходить в глубочайшей тайне во избежание громкого международного скандала.

После полуночи большой отряд сельских коммунаров и хунвейбинов примерно в пятьдесят человек во главе со своими руководителями, под общим командованием майора Жонг Сяо-цана, осторожно спустился на лёд реки Уссури. Каждую минуту ожидая окрика советского дозорного пограничника, нарушители с карабинами, револьверами и палками в руках

прокрались к берегу острова Славянского. Это уже была территория СССР и китайцы поняли, что шутки кончились. Многие чувствовали себя не просто нарушителями чужой границы, но захватчиками, вторгшимися на территорию соседнего, до недавнего времени дружественного, социалистического государства.

Залегли на западном берегу. Ночь морозная, и лежать в снегу было зябко. К тому же, чтобы не выдавать своего присутствия, Жонг Сяо-цан запретил людям курить. Тогда они прибегли к другому виду обогрева: вытащили фляги и бутылки с рисовой водкой, некоторые – с чистым спиртом. Ёмкости пошли гулять по цепи, вызывая смех и оживление среди китайцев. Подтянулась рота солдат, вооружённых автоматами АК-47, изготовленных в народном Китае по советским образцам. Военнослужащие заняли оборону левее активистов и хунвейбинов, ближе к правому, советскому берегу Уссури.

Так они пролежали до утра, ничего не предпринимая, ожидая команды своего начальника. Майор Жонг Сяо-цан думал в это время как лучше поступить: сразу открыть огонь по русским пограничникам, тем самым, развязав вооружённый конфликт, а возможно и – советско-китайскую войну, за что с него – в случае неудачи – конечно же, строго спросят в Пекине высшие партийные товарищи, или же спровоцировать на это русских? Последнее ему нравилось больше, и майор решил подождать.

Когда в девять часов утра по острову прошёл усиленный наряд советских пограничников, навстречу им из прибрежного перелеска на острове высыпала толпа хунвейбинов и сельских активистов. Под видом мирной демонстрации, они развернули плакаты, на которых вкривь и вкось выведено кириллицей: «Русские, убирайтесь вон!» и «Руки прочь от китайского острова!» Другие, потрясая цитатниками Мао, скандировали эти лозунги по-китайски, добавляя отборный мат на своём и русском языках. Специально приглашённые фотографы из местных газет активно, с разных ракурсов, щёлкали аппаратами. Сбоку застрекотала включённая кинокамера. Волнующие моменты «мирной» китайской акции протеста на острове Славянском корреспондент столичного телевидения запечатлевал на плёнку для истории КНР.

Советские пограничники опешили от такой наглости. Подобного они ещё не видели. На дежурство заступила другая смена. Из вчерашних солдат – только ефрейтор Сергей Манушин и рядовой Ковалевич. Всего в наряде, по случаю недавних провокаций на этом участке, – шесть человек во главе с сержантом. Он отправил одного бойца на северный берег

острова, на пост пограничного контроля, сообщить по телефону на заставу о новой провокации китайцев. Сам, сняв автомат с предохранителя, угрожающе навёл его на беснующуюся толпу и громким голосом потребовал покинуть территорию СССР. Его товарищи тоже снимали с плеч оружие и звонко защёлкали затворами, досылая патрон в патронник.

Майор Жонг Сяо-цан, знавший русский язык, понял, что сержант не шутит, но чтобы приободрить своих, крикнул, что русские в мирных жителей стрелять не будут. Тем более, что патроны у них холостые. Подозвав лидера хунвейбинов, молодого студента Ронг Фан-као, приказал послать одного из парней на берег острова, в перелесок, где пряталась рота китайских солдат. Командиру подразделения было велено скрытно привести личный состав двух взводов к месту инцидента и занять оборону за спинами хунвейбинов и сельских активистов. Студент со всех ног бросился выполнять поручение.

Тем временем хунвейбинам наскучило переругиваться с советскими пограничниками, и они решили повторить вчерашнее действие: выстроились в длинную шеренгу спиной к русским, стащили штаны вместе с трусами, нагнулись. Под громкий смех и улюлюканье толпы лидер хунвейбинов, студент с небольшими тонкими усиками, в очках и рысьей шапке на голове, стад сбоку импровизированных «пушек», театрально поднял руку с зажатой в ней рукавицей, прокричал по-русски:

– Батарея, газовыми удушающими зарядами по русским свиньям – огонь!

Он резко махнул рукой... Взрыв неудержимого хохота нарушителей потряс остров. Некоторые хунвейбины и активисты, схватившись за животы, попадали в снег, принялись болтать в воздухе поднятыми ногами. Из глаз у них от смеха выступили слёзы. Старший советского пограничного наряда дал одиночный выстрел вверх, чтобы прекратить безобразие, но китайцы, твёрдо уверенные, что у русских нет с собой боевых патронов, не обратили на выстрел никакого внимания.

К сержанту поспешил ефрейтор Манушин, со зловещей улыбкой что-то шепнул на ухо. Тот засмеялся в ответ и кивнул головой. Пограничники отошли на несколько шагов назад, и Сергей Манушин, не снимая трёхпалых брезентовых солдатских рукавиц, принялся что-то писать на снегу указательным пальцем огромными буквами. Его товарищи одобрительно посмеивались, перебрасываясь шуточками. Когда надпись была закончена, командир наряда дал знак и пограничники отошли ещё на несколько десятков метров вглубь своей территории.

Приободрённые отступлением русских, китайцы зашумели и загомонили ещё громче, в воздух полетели меховые треухи и солдатские шапки. Выстроившаяся «батарея» голых задниц, под одобрительное улюлюканье и свист толпы, продолжала красоваться перед пограничниками. Те были далеко, а на место, где они недавно находились, хлынули китайцы. Они старались не загораживать голозадую «батарею»; кто знал русский язык, принялись разбирать оставленную русским пограничником надпись. На снегу было написано: «Председатель Мао Дзедун».

Майор разведки Жонг Сяо-цан ужаснулся, со всех ног бросился к корреспонденту телевидения, крикнул, чтобы не снимал. То же самое приказал и газетным фотокорам. Подбежал к недоумевающим хунвейбинам, поддерживающим спадающие штаны, с негодованием взмахнул рукой.

- Прекратить! Всем одеться. Вы с ума сошли, - что вытворяете... Если в руководстве партии узнают, кому вы жопу показываете - вас посадят без штанов на раскалённые сковородки!

- А что случилось, товарищ командир? - не поняв, подошёл к нему лидер молодёжи Ронг Фан-као.

Майор шепнул ему на ухо заветное имя, начертанное русским пограничником на снегу, и тот, округлив от ужаса чёрные раскосые глаза, так и сел в глубокий сугроб. Хунвейбины, не дожидаясь повторного приглашения, тут же натянули штаны, - тем более крепкий мороз хорошо успел поработать над их обнажённой плотью. У многих ягоды горели, как будто их только что натёрли колючим снегом. Жонг Сяо-цан отдал приказ ближайшим китайцам и те со всех ног бросились стирать надпись на снегу.

Теперь покатывались от смеха пограничники, наблюдая за этой комедией. Впоследствии, случай обростёт подробностями, приобретёт черты солдатской легенды, получит развитие и существенные дополнения. Надпись на снегу превратится в огромный портрет Мао Цзедуна (но откуда бы ему взяться на пустынном речном островке, занесённом январским снегом!), заметно трансформируются и другие детали. Впрочем, все легенды в мировой истории, несомненно, когда-то имели реальную подоплёку.

На этом комическая составляющая происшествия заканчивается и начинается основная часть - трагическая.

Начальник погранзаставы Верхне-Доломановка, находившейся в нескольких километрах к югу от острова Славянский, капитан Воронежцев, как только получил сообщение о том, что на

острове не спокойно, поднял личный состав в ружьё. Разбив пограничников на три группы, на двух «газонах» и бэтээре, сейчас же выехал на подмогу находившемуся на Славянском наряде. Один ГАЗ-63 забуксовал по дороге, отстал. На остров прибыла на втором «газоне» группа капитана Воронежцева в составе восьми человек и тринадцать человек под командой старшего сержанта Пшеничникова на БТР-60ПБ. Выгрузившись у наблюдательного поста на восточной стороне острова, Воронежцев послал старшего сержанта Пшеничникова с группой из десяти человек в обход острова, с правой стороны, чтобы в случае необходимости ударить по нарушителям с тыла. Сам с остальными пограничниками направился к месту, где слышалась яростная словесная перепалка...

¹ Подполковник НОА Китая до 1965 г. (китайск.).

² Майор НОА Китая до 1965 г. (китайск.).

Глава 9.

В понедельник ранним утром, ещё до восхода солнца, группа американских рейнджеров из 75-го пехотного воздушно-десантного полка в количестве пятнадцати человек спешно погрузилась в два транспортных вертолётa УH-1 «Белл», которые тут же поднялись с взлётной площадки сайгонской базы 1-й кавалерийской аэромобильной дивизии. 75-й полк входил в её состав.

Это была тактическая зона ответственности III корпуса южновьетнамской армии. Здесь находились основные военные базы американского контингента в Южном Вьетнаме: «Железный треугольник», «Зона С», «Зона D», насыщенные боевой техникой в механизированных частях и подразделениях. Местность здесь представляла собой холмы с пологими склонами, открытые долины в предгорьях северо-западнее дельты Меконга. Это позволяло широко использовать в боях танки и бронетранспортёры, перебрасывать войсковые части на автотранспорте.

Прикрытие операции по десантированию рейнджеров осуществляли два боевых вертолётa АН-1G «Хью Кобра». На задание летели люди из роты L 1-го разведывательного взвода под командованием весьма опытного в подобных делах старшего

сержанта Клейтона Ша. В первой «вертушке» находились он сам, новый взводный переводчик, китаянка Фэн Чоу-киаохуи, Джэйкоб Гудман с радиостанцией AN/РС-25 за спиной, на задней стенке которой, на всякий пожарный, было закреплено несколько дымовых гранат М-18, индеец Алекс Эскобар, командир второго отделения сержант Пол Райли и трое крутых рейнджеров из его отделения. На втором «Белле» летело шесть солдат из четвёртого разведотделения во главе с сержантом Бруно Арнольдом.

Десантники вооружены до зубов. Стрелковое оружие в основном такое же, как и у бойцов северовьетнамской армии: у многих автоматы Туре 56 – китайский вариант знаменитого советского АК, ППШ с круглым диском или его китайский аналог Тип-50. Помимо автомата у рейнджеров в кобуре на поясе – советский ТТ или ПМ, гранатомёты РПГ-2, гранаты. В каждой группе – ручной пулемёт Калашникова. В целях маскировки все были переодеты в северовьетнамскую униформу, представлявшую из себя комбинированную форму Красной Армии времён Великой Отечественной войны и колониальных французских войск. На головах у кого зелёные советские стальные шлемы, у кого французские колониальные – пробковые. На ногах, вместо тяжёлых армейских ботинок, для удобства – лёгкие вьетнамские «сандалии Хо Ши Мина».

Лететь предстояло долго: на север к границе демилитаризованной зоны в районе города Хюэ провинции Биньчитхьен. Там, на американской базе, предстояло дозаправиться, взять сопровождение и проводников из числа военнослужащих южновьетнамской армии, и следовать к вьетнамско-лаосской границе. Далее предстояло перейти на лаосскую территорию и выполнить задание по захвату крупной колонны северовьетнамцев на так называемой «тропе Хо Ши Мина». По сведениям американской разведки коммунисты готовятся передать Вьетконгу какое-то сверхсекретное оружие, для успешного проведения намеченной на 31 января операции «Тет».

Выглядывавший в открытую дверь вертолёта на лыжном шасси старший сержант Ша весело подмигнул присевшей рядом китаянке Фэн Чоу-киаохуи:

– Что, Фэн, страшно?

– Ну. Мой интересно, – улыбнулась она в ответ. Глаза бывшей стриптизёрши сверкнули при этом восторженным блеском.

Она впервые летела на американском боевом вертолёте: всё ей было в диковинку. Рядом, с левой стороны, вцепился в пулемёт на турели стрелок в круглом лётном шлемофоне

с наушниками, зорко всматривавшийся в проплывавшую внизу местность. Выискивал скрывавшихся в джунглях вьетконговских партизан. Но разглядеть их в непролазном зелёном месиве было невозможно, и американец время от времени поливал длинными очередями подозрительные на его взгляд участки.

Рейнджеры курили, перебрасывались с соседями короткими, ничего не значащими фразами или шуточками, равнодушно оглядывали окрестности. Вскоре были на американской военной базе вблизи города Хюэ, в тактической зоне ответственности I корпуса. Местность здесь в основном равнинная, постепенно переходящая в холмистое плато ближе к границе с коммунистическим Северным Вьетнамом. На базе, пока заправлялись вертолёты, к взлётной площадке подошла группа одетых в форму вьетконговцев юновьетнамских спецназовцев.

- А вот и пополнение к нам, - весело прокомментировал сержант Бруно Арнольд и пошутил беззлобно, он вовсе не был расистом:
- Теперь во взводе полный интернационал: белые, краснокожие, немцы, африканцы, китайцы и вот, даже косоглазые.

Солдаты заулыбались. К старшему сержанту Ша подошёл сержант Джэйкоб Гудман, поинтересовался:

- И куда их, Клейтон? Неужели нам на головы - в наши вертушки?

- Нет, Джэйкоб, под жёлтых дадут ещё один «Белл».

- Слава богу. А то я уже думал, что косоглазые полетят с нами. От них плохо пахнет - как от козлов.

- Ну, на войне мы все здесь в джунглях не благоухаем, - ответил Клейтон Ша. - Или ты брызгаешься перед заданием французским дезодорантом?

- Смеёшься.

Китайка Фэн Чоу-киаохуи развязной походкой приблизилась к юновьетнамцам, поздоровалась по-свойски:

- Хэллоу, парни. Как служба?

- Лучше не бывает, - за всех ответил невысокий, но плотно сбитый сержант. - Ты американка?

- Нет, я из Сайгона. Переводчица у американцев.

- Это дело. А помимо службы? - многозначительно подмигнул сержант и оскалил в лукавой улыбке большие белые зубы. - Солдаты в джунглях скучают по девочкам... Может, договоримся как-нибудь, а? Ты сколько берёшь?

- Об этом забудь, парень, - строго глянула на него Фэн. - У меня уже есть бой, и он не чета тебе.

- Ну, конечно, куда мне с жёлтым рылом, если бой платит зелёными бумажками, - скептически ухмыльнулся южновьетнамец и хотел прекратить бесполезный по его мнению разговор, но это не входило в планы китайки.

- Постой, сержант, ты мне нравишься, - обворожительно взглянула она на вояку и соблазнительно провела язычком по верхней губе, как это умела делать только она во время сеанса на стриптиз-подиуме. - Как тебя зовут, если это не военная тайна?

- **Виен** Нго Цуань, - продолжая скалиться по всегдашней привычке вьетнамцев, ответил сержант спецназовец.

- А я просто Фэн, так меня и зови, - прекратив кокетничать, назвала своё имя китайка. С опаской покосилась в сторону группы американских рейнджеров: не заметил ли её шаловливых проделок Клейтон, который не без основания считал её своей девушкой.

Сержант Виен это понял и понимающе кивнул на американцев:

- Ну ладно, Фэн, ступай к своему бою. Он, думаю, тебя уже заждался. Как бы не приревновал. Потом как-нибудь ещё перебросимся парой слов на досуге. Вместе ведь летим в Лаос, слыхала?

- Да, знаю, **Виен**. **На «тропу Хо Ши Мина», - китайка попрощалась и вернулась к своей группе. Вскоре их всех повели на посадку.**

Глава 10.

Транссексуал Хуан Би-жикианг как всегда сидел на своём обычном месте в дальнем углу ночного ресторанчика «Лонгвей». Он был одет в шикарное женское платье, накрашен, с прекрасной модной причёской на голове, - и на первый взгляд ничем не отличался от женщины. Но это только на первый взгляд, к тому же, если ни о чём таком... не догадываешься. Майор Жонг Сяо-цан, недавно вернувшийся в Юный Вьетнам из Лаоса, первым делом посетил «Лонгвей». Зайдя в заведение и внимательно оглядевшись, сразу заметил необычную, одиноко скучавшую за угловым столиком китайку. По рассказам Фэн

Чоу-киаохуи, это именно тот, кто был нужен разведчику. Все приметы сходились. Однако, даже майор подивился, сколь умело транссексуал копировал женщину. «У парня просто талант перевоплощения! – подумал Жонг, подходя к его столику. – Это очень хорошо, талантливые разведчики нам нужны. Лишь бы он согласился работать на Вьетконг. Вернее – она...»

Майор остановился перед китайцем и галантно спросил:

– Добрый вечер, мисс. Не возражаете, если я присяду вместе с вами? У вас не занято?

– Для такого мужчины всегда свободно, – игриво ответил китаец и наметанным, профессиональным взглядом окинул статную фигуру Жонг Сяо-цана. Немного дольше задержался на нижней половине.

Майор понимающе улыбнулся, слегка склонил голову в полупоклоне и сел. Официантку пришлось ждать довольно долго.

– Что поделаешь, девчонки спешат обслужить в первую очередь американцев, – заметила прекрасная китаянка. – Нас они считают людьми второго сорта. Мы ведь не оставляем такие щедрые чаевые.

– Вероятно, так оно и есть, – согласился майор китайской разведки, в свою очередь внимательно изучая транссексуала.

По странной случайности он сильно походил на лидера городских хунвейбинов, красивого студента Ронг Фан-као, с кем майор по воле судьбы встретился на острове Славянском. Перед мысленным взором Жонг Сяо-цана снова ярко всплыли картины прошлогодних событий на советско-китайской границе...

Майор заметил большую группу советских пограничников, спешивших на помощь отступающему от толпы активистов и хунвейбинов наряду. Подозвав к себе лидера Ронг Фан-као, указал рукой на эту группу неприятельских солдат.

– Построй своих студентов и крестьян в два ряда, да поплотнее, чтобы русские ничего не заподозрили. Оружие спрячьте подальше. Опять разверните транспаранты, кричите что-нибудь, изображайте мирную демонстрацию. Ты следи за мной. Как только я махну рукой, прикажешь своим людям разделить на две группы и отбежать подальше вправо и влево. За вашими спинами будут китайские военнослужащие. Они исполняют основную часть операции. После вы довершите начатое ими,

- Жонг Сяо-цан кивнул головой на залёгшую недалеко цепь солдат с автоматами Калашникова наизготовку.

Ронг Фан-као всё понял и рванул к своим выполнять приказание. Хунвейбины быстро развернули плакаты и транспаранты с антисоветскими лозунгами и с криками «Русские, убирайтесь на Колыму!» выстроились перед приближавшимися пограничниками. Советский офицер, шедший впереди, что-то сердито крикнул, обращаясь к митингующим, – звук голоса отнесло ветром. Но среди студентов, школьников и китайских крестьян почти не было знатоков русского языка. Студенческий лидер не отрывал раскосых глаз от майора.

Советские пограничники – около десяти человек, – соединились с нарядом. Во главе с офицером, продолжавшим что-то кричать и махать рукой с зажатым в ней пистолетом ТТ, двинулись на толпу китайцев. Солдаты защёлкали затворами автоматов. Ронг Фан-као в очередной раз глянул на Жонг Сяо-цана. Тот подал условный знак. Лидер хунвейбинов крикнул своим людям, чтобы они, – как было уговорено заранее, – разделившись, разбежались в разные стороны. Митингующие выполнили это с завидной быстротой, многие проворно легли в снег и достали припрятанные револьверы. Они знали, что сейчас должно произойти. Перед пограничниками открылась лежавшая позади митингующей толпы цепь китайских солдат. Командир гортанно отдал приказ, и несколько десятков автоматов загрохотали, в упор расстреливая пограничников.

Советский офицер упал первым, это был начальник заставы Верхне-Доломановка капитан Алексей Воронежцев. Потом, сражённый длинной очередью в грудь, повалился в глубокий снег командир наряда, за ним ещё пять или шесть солдат и с ними рядовой Ковалевич. Остальные, находившиеся позади группы, поспешно залегли и открыли ответный огонь. Руководство взял на себя ефрейтор Сергей Манушин. Всё ещё не веря, что дело столь серьёзно, думая, что это какое-то недоразумение, он предупредил своих товарищей, чтобы в гражданских не стреляли. Но в ответ по их жиденькой цепи с обоих флангов открыли огонь и хунвейбины, ранив двух человек и одного убив.

Солдаты китайской армии, не прекращая густую автоматную трескотню, поднялись в атаку. Прячась за их спинами, с пистолетом в руке пошёл на русских и майор Жонг Сяо-цан. Он стрелял в оставшихся в живых советских пограничников через просветы между закутанными в тёплые овчинные полушубки китайскими пехотинцами. С удовлетворением отмечая, что после каждого выстрела, кто-нибудь во вражеской цепи

безжизненно тыкался лицом в снег. Майор был отличным стрелком.

Пограничников осталось всего три человека вместе с ефрейтором Манушиным. Все раненые, они продолжали посылать в нарушителей очередь за очередью, и не один китаец лежал уже в снегу, не двигаясь, навеки успокоенный советской пулей. Солдаты буквально истекали кровью, но не выпускали из рук оружия. Задетый пулями в обе ноги, Сергей Манушин приказал товарищам отползать к восточному берегу. Сам вызвался их прикрывать. Но пограничники не согласились, продолжая неравный бой. Они ждали, что вот-вот в тыл китайцам ударит группа старшего сержанта Пшеничникова, а к ним на подмогу подоспеет бэтээр и третья группа пограничников на ГАЗ-63, который отстал по дороге.

Китайцы, неся большие потери, продолжали яростно бросаться в атаки на горстку советских бойцов, вставших на их пути. Вот их осталось всего двое, но огонь их автоматов не умолкал. Китайские солдаты и хунвейбины окружили обречённых со всех сторон, безжалостно поливая свинцом. Вскрикнув, приник к земле ещё один израненный пограничник. Солдаты и хунвейбины добивали раненых советских бойцов штыками, ножами, забивали до смерти палками и арматурой.

У ефрейтора Сергея Манушина закончились в рожке патроны. Остальные два тоже были пусты. Он вытащил из ножен штык-нож и решительно пополз навстречу своей смерти. Китайцы плотной толпой окружили русского солдата, выбили у него из руки бесполезный уже штык-нож, стали озверело бить по голове прикладами автоматов. Подоспевшие хунвейбины накинули Сергею петлю на ногу, потащили с весёлыми криками к западной оконечности острова.

Майор вопросительно посмотрел на лидера студентов Ронг Фан-као.

– Что они хотят делать с русским?

– Повесят его на дереве, товарищ майор, – с хищной улыбкой ответил тот.

В это время на западном берегу слышались автоматные очереди. Это группа старшего сержанта Степана Пшеничникова ударила по скрывавшимся там китайским военнослужащим...

Майор Жонг Сяо-цан, не скрывая удовольствия, в открытую любовался смазливый молодым китайцем, переодетым женщиной.

Разницы в данный момент, в принципе, – никакой. Почему бы и не принять предложенную транссексуалом игру, тем более, что правила – почти одинаковы... И это с учётом того, что о подобном времяпрепровождении ему бы и мечтать не пришлось в народном Китае с его весьма пуританскими нравами и средневековыми законами в области морали.

Подошла официантка и майор сделал заказ на двоих. Транссексуал Хуан Би-жикианг благодарно кивнул головой, – иного он и не ожидал от нового кавалера. Теперь предстояло самое сложное: дать понять мужчине, кто он на самом деле. Вернее – она... Всё-таки Хуан считал себя больше женщиной, нежели мужчиной.

– Вы очень красивая, мадам... Извиняюсь, не знаю вашего имени,
– замаялся майор китайской разведки.

– Зовите меня Хуан, мой господин...

– Жонг, – поспешил назваться майор. – Для вас я просто Жонг.

– Весьма любезно с вашей стороны, – улыбнулся китаец Хуан.

– А вы действительно счастливая, о чём говорит ваше имя? – многозначительно подмигнул майор разведки.

– Скорее, милосердная, – поправил его Хуан Би-жикианг. – Мне жалко мужчин, лишённых в эти ужасные, безжалостные времена женской ласки, и я им её милосердно даю. Ласку. – Транссексуал любовно взглянул в глаза майора Жонг Сяо-цана и нежно погладил его по руке. – Я вас могу утешить, Жонг. Если хотите...

– Вы предлагаете перейти в другое место? – правильно понял своего собеседника китайский майор.

– А почему бы нет?

– Не имею ничего против, милая Хуан.

– Так пойдёмте. Только прихватите с собой чего-нибудь выпить. Я хочу сегодня расслабиться, да и вам, господин Жонг, это не помешает.

Майор взял в баре пузатую бутылку американского виски, и они пошли...

Глава 11.

Группа старшего сержанта Пшеничникова, внезапным ударом во фланг, отогнала от острова на китайскую сторону полуроту китайских солдат. Пока они бежали, пограничники залегли в прибрежной рощице и поливали их всю дорогу горячим свинцом. В результате на льду Уссури осталось до десятка трупов китайцев.

- Здорово мы им вложили, - радовался разгорячённый схваткой Николай Орешкин. - Это им, сукам, за смерть Геббельса! Чтоб знали...

- Будут знать, - ловил на мушку последних убежавших по льду китайцев Степан Пшеничников.

ГАЗ-63, где было двенадцать пограничников во главе с сержантом Шкабардня, добрался, наконец, до острова Славянского. Бойцы пересели в сиротливо стоявший на льду реки бэтээр и направились к центру острова. Здесь, увы, всё уже было кончено: в снегу лежали только мёртвые, исколотые штык-ножами и кинжалами тела убитых пограничников. Толпа китайских нарушителей, таща за собой на верёвке раненого ефрейтора Манушина, отходила к западному берегу. Ещё одна группа вооружённых китайцев, два взвода стрелковой роты во главе с командиром, выдвигалась во фланг группы старшего сержанта Пшеничникова.

БТР-60ПБ дал газ и на большой скорости понёсся по бездорожью, преследуя китайских нарушителей. Сержант Остап Шкабардня подал команду и пулемётчик стал длинными, меткими очередями расстреливать удиравших с острова к реке Уссури китайцев. В толпе несколько человек упало, задетых пулями, остальные веером бросились в разные стороны. Тело раненого ефрейтора Манушина осталось неподвижно лежать на снегу. Нарушители даже не пытались отстреливаться, во все лопатки улепётывая на тот берег. Среди них бежал и майор Жонг Сяо-цан. По заранее разработанному плану сейчас должны были ударить по острову миномёты и выставленные на прямую наводку безоткатные орудия, а установленные на огневых рубежах тяжёлые пулемёты - огнём отсечь преследователей от отступающих солдат и мирных жителей. Поэтому нужно быстрее покинуть советскую территорию, чтобы их не зацепили осколки собственных мин и снарядов.

Майор поискал глазами в толпе лидера хунвейбинов, но не нашёл. Заметил только председателя сельхозкоммуны Ксу Пань-цзю. Солдат с ними очень мало, - вероятно, они остались на острове, помогая своим товарищам на берегу отбивать атаку советского подкрепления. «Жаль, - успел подумать Жонг

Сяо-цан, – если они вовремя не уйдут за реку, их накроет огонь нашей артиллерии и миномётов. Но что ж, ничего не поделаешь. На войне, как на войне...»

Бэтээр, постреляв в спины убегающим китайцам, достиг брошенного нарушителями ефрейтора Манушина. Пограничники высыпали из бронемашины на снег. Двое, подхватив раненого бойца, бережно понесли его на руках к восточному берегу, где на льду Уссури стоял пограничный «газон» с водителем. Остальные во главе с сержантом Шкабардня вытянулись небольшой цепью и медленно, пригибаясь от шальных пуль, двинулись к западному берегу, куда скрылись китайские нарушители. За деревьями прибрежной рощи их совершенно не было видно. Бэтээр, в котором из всего экипажа – только водитель и стрелок-пулемётчик, круто развернулся в снегу и, взревев двигателем, помчался к северной оконечности Славянского на выручку группы старшего сержанта Степана Пшеничникова. Стрелок, оставив пулемёт, связался по радиации с заставой, где из офицеров оставался только старший лейтенант Дзамбулат Икаев, и сообщил о положении на острове, о гибели начальника заставы капитана Воронежцева и группы бойцов. Попросил помощи. Икаев тут же позвонил по телефону руководству погранотряда...

По дороге в отель майор и Хуан Би-жикианг, державший своего кавалера под руку, оживлённо разговаривали. Транссексуал, как настоящая женщина, щебетал без умолку. То и дело приостанавливался и нежно обволакивал губы китайского разведчика горячим и влажным эротическим поцелуем. Из рта Хуана терпко пахло маотаем и ещё каким-то экзотическим алкоголем. Жонг Сяо-цан не мог поверить, что это происходит именно с ним: с ума сойти, – он целуется с мужчиной, но никаких неприятных чувств не испытывает. Только лёгкое возбуждение, как будто в его объятиях – настоящая, пылкая девушка. «Неужели во мне тоже есть – это?..» – с ужасом думал китайский майор, и успокаивал себя тем, что всё, что он сейчас проделывает – всего лишь театральный фарс, необходимый для общего дела! Он стал вспоминать, не было ли с ним ничего подобного раньше, и с ужасом отметил, что нечто подобное испытывал год назад, во время инцидента на острове Славянском, когда судьба свела его с симпатичным лидером городских хунвейбинов Ронг Фан-као.

Майор Жонг Сяо-цан густо покраснел и смутился, но воспоминания встали зримо, во весь рост, и не уходили. Наоборот, обрастали всё новыми и новыми яркими подробностями и деталями...

* * *

Весь остаток дня китайская артиллерийская батарея и миномёты утюжили взрывами советский остров Славянский. Ходившая на остров пехотная рота понесла ощутимые потери: было убито около двух десятков солдат и ранено больше сорока, из них многих – тяжело. Так что их срочно, на машинах, пришлось эвакуировать вглубь страны, в госпиталь. Командир батальона Бохай Юань-ча рвал и метал по поводу таких потерь, и весь горел мщением. Были убитые и среди хунвейбинов и местных крестьян, участвовавших в акции. Они тоже были полны решимости поквитаться с проклятыми русскими империалистами. Майор Жонг Сяо-цан назначил на следующий день решительный штурм острова всеми наличными силами.

Ночь провели в ближайшей деревне. Жонг с лидером хунвейбинов Ронг Фан-као расположились в одном доме. Сразу же откуда-то появилась китайская рисовая водка, хозяйка приготовила высокому партийному начальству сытный ужин и ушла с мужем и многочисленной оравой детей в пристройку. Дом оказался до утра в их полном распоряжении. Выпив водки и хорошо подкрепившись, обоим захотелось ещё чего-то... Продолжить застолье – само собой, но не вдвоём, а ещё с кем-нибудь.

– А пойдём, товарищ Жонг, я тебя познакомлю с нашими активистками, – предложил вдруг Ронг Фан-као. – Там есть такие красотки – просто пальчики оближешь от удовольствия. Молоденькие, славные, политически подкованные, и всегда дают старшим партийным товарищам.

– Что ты, Ронг, нельзя! – испуганно замахал руками майор. – Как я могу подрывать авторитет руководителя в глазах подчинённых? А вдруг это станет известно моему начальству или, что ещё ужасней, – в Пекине? Ты представляешь, какой будет скандал? Скажут: вместо того, чтобы выполнять порученное партией ответственное задание, майор Жонг Сяо-цан развлекался с девочками! Нет, что ты, ни в коем случае...

– Ах да, вот оно как, – задумчиво протянул лидер городских хунвейбинов, взял пустую бутылку из-под рисовой водки, повертел в руке, поставил под стол. – Выпить ещё не хочешь?

– Не мешало бы.

– Тогда я сейчас.

Ронг Фан-као куда-то ушёл, хлопнув входной дверью. Майор подумал, что он славный парень, красивый, женственный

и... Разведчик смутился от нахлынувших вдруг в хмельную голову необычных, откровенно-постыдных мыслей... Ему вдруг захотелось... поцеловать Ронга. «Чёрт, о чём это я? – гневно подумал майор, сурово сжав губы. – Как можно целовать парня? Я же не гомосексуалист американский, а стопроцентный здоровый мужчина, член партии, резидент разведки! Не женатый, правда... Но что за чушь иногда лезет в голову! Поцеловать... Этого худого очкарика, смахивающего на бабу. А почему бы и нет? Если хочется. Тем более – никто не увидит, а сам он никому не скажет, потому что ему всё равно никто не поверит. А за клевету его сразу же поставят к стенке и прилюдно расстреляют. Нет, он никому об этом не скажет, и я его никогда больше не увижу... Но ведь тогда можно и не только это?..»

Так майор Жонг Сяо-цан молча распалял себя под влиянием выпитого алкоголя, пока не вернулся студент Ронг и не принёс вторую бутылку. Они снова выпили. Майора продолжали волновать пришедшие в голову стыдные мысли. Он не знал, как перевести разговор в нужное русло и ляпнул наугад, лишь бы что-нибудь спросить:

– Ты на кого учишься?

– На медика.

– Ну и как медички-студентки? Говорят, весьма темпераментные,
– игриво подмигнул Жонг.

– Я больше интересуюсь студентами, – без страха и смущения смотря прямо в глаза собеседнику, откровенно признался Ронг.
– Хотя и от студенток не отказывался. Но с ними много возни: нужно ухаживать, дарить подарки, ходить на свидания, терпеть их капризы. В конце-концов нужно жениться, если залетят... С парнями всё проще...

– В каком смысле?

– В прямом... Они не рожают...

– А ты не боишься говорить об этих незаконных вещах мне? – выжидающе взглянул на студента майор Жонг.

– Я вижу, что ты порядочный человек, к тому же одинокий, – многозначительно намекнул хунвейбин, – и никому ничего не скажешь... Ты ведь сам этого хочешь, коль интересуешься?

– Чего я хочу? – с придыханием прошептал Жонг, и в груди его запылал жаркий костёр.

– Любви...

Майор, встряхнув головой, прогнал видение. Оглянулся по сторонам. Вокруг крикливо горели многочисленные рекламные огни сайгонского района Чолон, улицы были заполнены празднично шатающейся публикой, среди которой преобладали местные китайцы. Отовсюду слышалась родная речь, и Жонг Сяо-цану даже на минуту показалось, что он находится не в самом сердце далёкого Южного Вьетнама, а у себя на родине, в Китае.

Они подошли к зданию отеля, выстроенного в современном азиатском стиле, в архитектуре которого сочетались европейские, китайские и местные, вьетнамские особенности. Как понял майор, здесь и проживал Хуан Би-жикианг. Название было символическое – «Гонконг», что в переводе с китайского значило «красный». Это был традиционный для китайцев свадебный цвет. Но так же он ассоциировался со знаменитой улицей «красных фонарей», где проживали проститутки. К тому же, несмотря на внешнюю показную архитектурную роскошь, внутри было видно, что это очень дешёвая, весьма низкого уровня обслуживания гостиница для бедных. Можно даже сказать – ночлежка.

Лифта в здании не было, и Хуан, взяв у престарелой вьетнамки-консьержки ключ от номера, повёл его по обшарпанной, грязной лестнице на пятый этаж. Номера, как понял майор, были, чем выше, тем дешевле. В номере транссексуала как всегда царил строгий порядок, отчего он выглядел нежилым. Жонга это несколько не удивило: он и сам был аккуратный и чистоплотный.

Поставив бутылку виски на низкий журнальный столик, майор разведки уселся на стул и закинул ногу за ногу. Хуан включил вентилятор, распахнул окно, чтобы не было жарко, и принялся хлопотать у большого стола у стены, приготавливая лёгкую закуску. Всё повторялось до мелочей, как и год назад, когда майор Жонг Сяо-цан вот так же сидел за накрытым столом рядом с лидером хунвейбинов Ронг Фан-као в сельском доме...

Майор невольно содрогнулся, вспомнив, что произошло на следующий день на острове Славянском. Сейчас была аналогичная ситуация: как и тогда, на советско-китайской границе, здесь, в Сайгоне, в китайском квартале Чолон намечалась на 31 января военная операция...

Глава 12.

Китайцы не знали, что за ночь к советским пограничникам подошло подкрепление: целый батальон специального назначения под командованием подполковника Константина Бандура. Весть об этом сразу же облетела передний край, находившийся на западном берегу острова Славянского. Оставшиеся в живых пограничники Верхне-Доломановской заставы держали здесь оборону вместе с бойцами соседней заставы. Общее руководство взял на себя старший лейтенант Икаев.

Ночь была морозная. Чтобы согреться, солдаты, предварительно выдвинув далеко вперёд боевое охранение, принялись долбить штык-ножами, ломами и большими сапёрными лопатами мёрзлую землю – окапывались. Дзамбулат Икаев хоть и понимал полнейшую бесполезность этого занятия, – не препятствовал. Иначе до утра здесь действительно можно замёрзнуть. Сам грелся, похлопывая себя руками по бокам, делал зарядку или совершал небольшие пробежки по острову – на восточную сторону, где располагался наблюдательный пост. Он же и принёс известие о том, что к Славянскому подошло подкрепление.

Долбивший где-то раздобытой киркой расчищенный от снега грунт Николай Орешкин всё ещё не мог забыть убитого китайскими бандитами верного друга: немецкую овчарку Геббельса. Полный справедливого негодования, он горел жаждой мести. В душе недоумевал, почему советское командование не сотрёт китайских нарушителей в порошок? Ведь для этого нужно только подвезти на позиции парочку секретных реактивных установок «Град», прообразом которых были знаменитые в Отечественную войну «Катюши». «Грады» никто ещё из пограничников никогда не видел, но слухи о новых сорокаствольных установках уже во всю курсировали по армии.

Вернулся ходивший куда-то старший сержант Степан Пшеничников, весело сообщил товарищу:

– Слыхал, Николай: батальон спецназа прибыл! Я только что их своими глазами видел. На бэтэрах, на том берегу реки. Там у них и танки, и артиллерия.

– Правда? – обрадовался Орешкин. – Откуда знаешь, что спецназ? Может, просто – мотострелки.

– Да я со своим братом старшим разговаривал, с Володькой. Он

капитан, командир роты спецназа, – горячо заверил Степан. – Их только что с секретной базы вертушками сюда перебросили. Бэтээры действительно – из мотострелкового полка, у них своих нет. Не пёхом же им в атаку по снегу бегать: у них задача другая.

– Какая? – загорелся Николай Орешкин.

– Много будешь знать, скоро состаришься, зёма, – загадочно хмыкнул Пшеничников. – Это государственная тайна, просёк? И вообще, братан мне ничего о своей службе не рассказывал. Не положено никому знать. У них батальон особый: на весь Союз один такой. Напрямую Москве подчиняется, не хухры-мухры...

– Да ну-у, скажешь тоже, – не поверил товарищ, на минуту выпрямившись и перестав долбить киркой смёрзшуюся, твёрдую, как железо, землю. – Если на то пошло, то мы тоже не абы кто, а пограничники. Элитный род войск, к Комитету госбезопасности относимся.

– Это само собой, кто спорит.

– «Градов» на том берегу не видел? – продолжал расспрашивать друга Николай Орешкин.

– Нет, не встречал, – мотнул головой старший сержант. – А что, должны подойти? Откуда такие сведения?

– Да ребята говорят, а там кто его...

На утро обстрел острова Славянского с китайской стороны возобновился. Били из всех видов оружия: тяжело рвались снаряды, вырывая с корнем деревья, поднимая вверх целые столбы снега и земли, протяжно свистели мины, рокотали длинными очередями тяжёлые пулемёты. Всё было как на настоящей войне, единственно – не бомбили передовую самолёты. Пограничники не пожалели, что ночью не теряли времени даром, а вырыли себе неглубокие индивидуальные ячейки. Во время обстрела они хорошо пригодились, спасая солдат от пуль и осколков.

Пальба длилась чуть ли не час. Всё это время остров и советский берег реки Уссури молчал. Принявший непосредственное командование воинской группировкой, первый заместитель командующего Дальневосточного военного округа генерал-лейтенант Плотников приказал до поры до времени не открывать противнику расположение советских артиллерийских батарей. Он готовил внезапный удар и выжидал время, когда маоисты сосредоточат все свои силы на советской территории.

Вскоре китайцы, думая, что уничтожили огнём всех защитников Славянского, высыпали длинными цепями на лёд реки Уссури. В атаку пошёл пехотный батальон Бохай Юань-ча, сконцентрированный напротив острова со вчерашнего дня, принимавший участие в боях. На его месте, на позициях у берега Уссури, расположился недавно подошедший от железнодорожной станции 24-й пехотный полк Народно-освободительной армии Китая. Следом подтягивались и остальные полки дивизии, в составе которой насчитывалось до пяти тысяч солдат и командиров. Прибывали всё новые и новые артиллерийские и миномётные батареи, которых было уже около шестидесяти стволов. Не было только танков, хотя майор Жонг Сяо-цан неоднократно связывался с главным городом провинции Хэйлуанцзян Харбином и просил у командующего вооружёнными силами срочно прислать бронетехнику.

Генерал-лейтенант Плотников тоже не сидел сложа руки. За ночь в район конфликта были стянуты значительные воинские силы. Помимо уже имеющихся пограничников из соседних застав и батальона специального назначения подполковника Бандура, в тылу, в нескольких километрах от острова Славянского была развёрнута 135-я мотострелковая дивизия Дальневосточного военного округа. Подошли танковые батальоны, полк ствольной артиллерии, оснащённый 122-миллиметровыми гаубицами, дивизион реактивных установок залпового огня БМ-21 «Град», о которых говорил старшему сержанту Пшеничникову Николай Орешкин.

Цепи китайской пехоты неумолимо приближались к берегу острова Славянского. Когда они были на середине реки, примерно в ста пятидесяти метрах от позиций советских пограничников, генерал-лейтенант Плотников отдал приказ артиллерийским батареям открыть огонь по атакующим. Одновременно по китайскому берегу произвели залп реактивных установки. Уссури в один миг превратилась в бурлящую, как во время паводка, вскрывшуюся ото льда реку. В воздух вместе с артиллерийскими разрывами взметнулись куски льда, комья мокрого снега, вода, разорванные тела китайских военнослужащих. Тех, кто не погиб от осколков, безжалостно поглотила холодная вода, густо окрасившаяся кровью.

На берегу царило такое же светопреставление, только вместо воды, как на реке, здесь бушевала стихия противоположная – огня. Горели искорёженные, оплавленные страшно высокой температурой китайские грузовики, орудия, миномёты, сама земля. За считанные минуты обстрела советских реактивных установок от китайской пехотной дивизии не осталось почти

ни одного живого человека. Сгорели в огне и многие студенты-хунвейбины вместе со своим лидером Ронг Фан-као. Лишь майору Жонг Сяо-цану и небольшой горстке израненных китайских солдат посчастливилось остаться в живых.

С тех пор и затаил лютую злобу на русских майор китайской разведки, резидент Жонг Сяо-цан.

Глава 13.

В Ханое царила весёлая предновогодняя суэта. Жители запасались продуктами, готовили подарки родным и близким; домохозяйки варили рисовые пироги «баньтъынг» с начинкой из бобов мунг и свинины, завёрнутые в банановые листья и перевязанные гибкими бамбуковыми прутиками. Во Вьетнаме это главное новогоднее блюдо.

«Праздник первого утра» – вьетнамский Новый год по лунно-солнечному календарю, считался государственным праздником, самым важным и популярным в стране, и поэтому всегда отмечался шумно и помпезно. Даже боевые действия прекращались: каждый год на Тет нгуен дан – полное название праздника, – между воюющими сторонами заключалось временное перемирие. Новый год начинался с первого дня первого месяца по лунному календарю – примерно в конце января или начале февраля, и продолжался около недели. Тет считался первым днём весны, поэтому его называли ещё хой суан – «праздник весны».

Вьетнамцы к празднику украшали свои дома и улицы цветами и фруктами. Не обходилось, конечно, без государственных флагов, красочных транспарантов с коммунистическими лозунгами и огромных портретов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, великого кормчего Мао Цзедуна и Хо Ши Мина. Портретов нынешнего руководителя СССР Брежнева, его предшественника на посту, Хрущёва и лидера Национального фронта освобождения Южного Вьетнама Чан Ван Ча почему-то не было.

Это сразу бросилось в глаза старшине сверхсрочной службы Степану Пшеничникову, шедшему вместе со старшим братом Владимиром по шумной ханойской улице. Одеты они были в форму северовьетнамцев, которая, впрочем, не сильно отличалась от советской, но только не современной, а времён

Великой Отечественной войны. Кстати, Советский Союз и поставлял в ДРВ обмундирование бывшей Красной Армии, как и не использованное против немцев оружие и боеприпасы. Иногда со старых военных складов шло в Северный Вьетнам и трофейное стрелковое оружие, те же знаменитые немецкие автоматы МП 40, или как их ещё все называли – «шмайсеры». Степан нёс в руке внушительных размеров газетный свёрток.

Как попали во Вьетнам братья Пшеничниковы – разговор особый. Дело в том, что после известных трагических событий на острове Славянском старшего сержанта Пшеничникова, за проявленный героизм и мужество, наградили звездой героя Советского Союза. Когда вышел приказ о демобилизации, он, по совету брата, остался на сверхсрочную. Капитан Владимир Пшеничников, служивший командиром роты в батальоне специального назначения, похлопотал перед начальством, и Степана перевели в его роту. А вскоре братья оказались в Северном Вьетнаме. Батальону специального назначения подполковника Бандура было поручено сопровождать во Вьетнам секретный военный груз. Кстати сказать, подразделение только на этом и специализировалось: доставляло советское вооружение во многие развивающиеся страны Африки, Азии и даже Латинской Америки. Для выполнения ответственного задания, была выделена 1-я рота капитана Пшеничникова и отдельный взвод связи. По традиции, возглавил операцию сам комбат.

Погрузив военную технику на океанский транспортный сухогруз в порту Владивостока, до Хайфона добирались морем. Правда, обычно военные поставки из Советского Союза во Вьетнам шли через Китай по железной дороге – так короче и дешевле, но на этот раз груз был настолько секретный, что руководство страны не рискнуло отправлять его по этому маршруту. В связи с ухудшением советско-китайских отношений, особенно после конфликта на острове Славянском, бывали случаи, что китайцы просто в открытую нападали на советские эшелоны и грабили их. Убивали сопровождающих.

– Что-то Леонида Ильича не видать, – скептически хмыкнул Степан, указывая на портреты великих революционеров, развешенных на стенах домов вдоль улиц. – Небось, китайцы и здесь подсуетились, настроили вьетнамцев против нас?

– Не думаю, – отрицательно качнул головой старший брат Владимир. – Мы оказываем северянам помощь не меньше Китая, особенно финансовую и военную. Китайцы гонят во Вьетнам свои воинские части, а мы – боевую технику, средства ПВО, «Миги». Хо Ши Мин никогда не пойдёт против Советского Союза, как Мао. К тому же я слышал от видных партийных товарищей,

что Вьетнам больше склоняется к советской модели социализма, чем к китайской. Да и мало кто китайцев сейчас поддерживает: из соцлагеря на их стороне только Албания и Югославия.

- Володя, а как мы теперь с китайцами вести себя будем? - испытующе взглянул на брата Степан. - На Славянском они, суки, сколько ребят хороших положили. За что? Я им никогда этого не прощу! Никогда! Что бы там, в Москве, руководство страны не решило, - для меня они враги, и точка! Как фашисты в Отечественную.

- Стёпка, ты что мелешь, какие фашисты? - строго взглянул на младшего брата Владимир. - Китай - народная республика. Во главе страны - коммунистическая партия, стоящая на платформе Марксизма-Ленинизма, строящая социализм. А ты говоришь - фашисты... Это политика, брат! Восток. А восток - дело тонкое, как говорят философы.

- Но они же наших советских людей убивали, - не сдавался Степан.

- За это и получили... Видал, как «Градами» их берег выжгли? За каждого нашего бойца мы, считай, сотню китайцев уничтожили, - жёстко подытожил Владимир. - Думаю, урок им преподали добрый, больше на нашу территорию не сунутся. А если попробуют - опять получат.

У советского посольства, куда они направлялись, их уже поджидал командир батальона подполковник Константин Сергеевич Бандура.

- Здравия желаю, товарищ подполковник, - первый приветствовал воинского начальника капитан Пшеничников.

Степан чётко, по уставу, отдал честь.

- Как личный состав? - сразу же перешёл к делу командир подразделения. - Жалоб, надеюсь, нет? Вьетнамские товарищи обычно наших встречают, как полагается, устраивают по первому разряду. Лучше, чем в Союзе.

- Так точно, товарищ подполковник. Жалоб и нареканий не имеется. Рота отдыхает в районе дислокации, наряды несут службу, - доложил Владимир Пшеничников.

- Вы разместились в воинской части народной армии ДРВ?

- Да. В танковом полку.

- А это наш герой? - одобрительно взглянул на Степана Пшеничникова командир батальона. - Наслышан, слышан о

твоём подвиге, старшина. Здорово вы вложили тогда китайцам на острове.

- Да чего уж там, товарищ подполковник... воевал как все, - смущённо замялся Степан. - За ребят только обидно, что полегли в бою. Некоторым весной на дембель идти, несколько месяцев не дослужили... Да и всех остальных жалко.

- Разделяю твои чувства, сынок: горько и обидно, - согласно кивнул головой комбат. - Обидно, что напали свои же, китайские товарищи, которым мы всегда помогали, которые нашему народу в дружбе на век клялись при товарище Сталине. А горько, что остров Славянский всё равно Китаю достался. На момент встречи в Пекине Косыгина и Чжоу Эньлая и подписания ими договоренности о прекращении враждебных акций на советско-китайской границе, китайцы снова полезли на остров, якобы для того, чтобы забрать трупы своих солдат. Да так там и остались.

- Прискорбно, товарищ подполковник, - угрюмо вздохнул Владимир Пшеничников. - Выходит, зря ребята наши головы свои молодые положили?

- Они выполняли долг, капитан. Долг перед родиной, которую клялись защищать, не щадя своей жизни.

- Понимаю, - согласился старший Пшеничников.

- Готовы к выполнению ответственного, секретного задания партии и советского правительства? - с пафосом, чтобы взбодрить приунывшего офицера, спросил подполковник Бандура.

- Готовы, товарищ подполковник, - не задумываясь, ответил капитан.

- Иного ответа от тебя и не ждал, Пшеничников, - ласково, по-отцовски, взял подчинённого за плечи командир батальона. Недаром солдаты и офицеры, по-свойски, с любовью называли его «батя».

- Поведёшь колонну на юг один, - я остаюсь в Ханое для координирования ваших действий, буду всё время на связи. С вами вместе будет действовать оперативная группа Вьетнамской народной армии численностью в двести человек под руководством старшего лейтенанта **Зунг** Фама. Запомни, капитан, или запиши. Знаю, вьетнамские фамилии трудно запоминаются... Командира секретного подразделения, которое будете сопровождать, зовут Алексей Петрович Дерябин, гвардии майор. Боевой

офицер. Кстати, тоже на Славянском отличился. Его, надеюсь, запомнишь, – улыбнулся Константин Сергеевич. – Задача ясна?

– Ясна, товарищ подполковник.

– Давай военные билеты бойцов.

Капитан Пшеничников повернулся к брату, взял у него газетный свёрток, протянул командиру батальона.

– Здесь все документы? Твои и командиров взводов – тоже? – уточнил подполковник Бандура.

– Все. За исключением водителей, расчёта спецмашин и их командира.

– Ну, с майором мы этот вопрос решим позже. Вы свободны, товарищи. Продолжайте нести службу, а мне нужно срочно к послу. Дела, – Константин Сергеевич распрощался с братьями и направился к калитке советского посольства, где стоял часовой с автоматом Калашникова. Подполковник показал пропуск и прошёл во двор...

2012 – 2021

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>